

ВИКТОР
ПРОНИН

ВСЕ ОНИ ПОЧЕМУ-ТО
УМИРАЛИ

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
ОТ СОЗДАТЕЛЯ
„ВОРОШИЛОВСКОГО
СТРЕЛКА“

500 000

Виктор Алексеевич Пронин

Все они почему-то умирали

Серия «Банда», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179531

*Виктор Пронин. Все они почему-то умирали: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29784-9*

Аннотация

Жена нового русского магната, его любовница, домоправительница, телохранитель, узник его личной тюрьмы – все эти люди, живущие с магнатом под одной крышей громадного недостроенного дома, заняты только тем, что пытаются убить мужа, хозяина и кормильца.

И добиваются своей цели – магнат убит. Теперь следовательно Пафнутьеву придется разобраться во всем этом клубке. Он должен найти одного виновного, кто ответит за это убийство по закону.

Надо спешить – подозреваемых становится все меньше, они погибают один за другим. Да еще Пафнутьеву нужно выжить самому – смертельная опасность поджидает его на каждом шагу...

Ранее роман выходил под названием «Банда 6».

Виктор Пронин

Все они почему-то умирали

Пафнутьев и Халандовский сидели в полутемной комнате на низком диванчике, перед ними стоял журнальный столик, а напротив, в нескольких метрах, светился большой экран японского телевизора. Освещенные разноцветными, мелькающими бликами лица друзей становились то ядовито-зелеными, то неприлично-красными, то мертвенно-синими. Выражение у обоих было одинаковое – оцепенелое.

На экране мелькали кадры фильма – тощий маньяк с оставившимся взглядом подстерегал женщин, когда те сладко спали в своих постельках, когда наслаждались сильными струями душа, когда они, невероятно красивые, плескались в голубых бассейнах. А он их резал, вспарывал животы, отделял головы. Женщины орали в предсмертном ужасе, кровь хлестала из вен, конечности плавали в стороне от туловища, а маньяк продолжал свое черное дело, несмотря на то, что кольцо мужественных полицейских сжималось вокруг него с железной неотвратимостью.

Да, и взрывы.

Роскошные, высокохудожественные взрывы с огнем, клубами дыма, взлетающими в воздух машинами, людьми и даже домами. А герой, явно неравнодушный к одной из обреченных красавиц, неотступно шел за маньяком, пренебрегая

здравым смыслом, собственной жизнью, законами жанра.

– Знаешь, чем кончится? – спросил Халандовский.

– Ну?

– Они сольются в экстазе.

– Кто? – уточнил Пафнутьев.

– Полуобгорелый полицейский и недорезанная красотка.

Они просто созданы для поцелуя под занавес.

– Но перед тем, как слиться, хотя бы примут душ?

– Ни фиги, – Халандовский покачал в полумраке большой кудлатой головой. – В том-то, Паша, и весь смысл. Они сольются в экстазе именно в таком виде – он дымится, в отдельных местах еще и догорает, а она – вся в кровище маньяка, которого полицейский зарезал минуту назад его же преступным ножом. Это означает, что настоящая любовь преодолевает все на свете.

– Недавно на улице видел, как изодранный в клочья кобель трахал полуживую суку, – проговорил Пафнутьев. – Хотя скорее делал вид, что трахает.

– Это, Паша, то же самое. Но миллионы прекраснодушных зрителей по обе стороны Атлантического океана невольно смахнут растроганную слезу и проникнутся высокими, чистыми чувствами. Подобные фильмы – самое яркое, волнующее, незабываемое, что происходит в их сытой, сонной жизни.

Все получилось точно так, как предсказывал многомудрый Халандовский, – полицейский зарезал маньяка, кровь

хлынула на полуживую красавицу, избавитель освободил ее от пут и тут же приник к ней страстно и самозабвенно. А красавица, ощутив прилив животворных сил, естественно, прильнула к нему, не забыв оголить самые соблазнительные места. Из их измученных глаз катились слезы счастья и любви.

– Переключи программу, – сказал Пафнутьев.

Но избавления от страшных картин друзья не получили – передавали военные сводки из Югославии, – американцы, немцы, англичане дружно и весело разбомбили пассажирский поезд вместе с мостом, по которому он шел. Потом показали высокоточное попадание томагавка в рейсовый автобус, потом пошли потрясающе красивые кадры – доблестные американские летчики трижды заходили на колонну беженцев. Дорога, усеянная сочащимися кровью кусками человеческих тел, казалось, вела в предыдущий фильм.

– А что им, собственно, надо от этих сербов?

– Затронуты национальные интересы Соединенных Штатов! – веско ответил Халандовский и опять переключил программу – шла передача о выдающемся певце столетия Фрэнке Синатре. Показали младенческие его годы, триумфальную жизнь, смерть, от которой содрогнулось все прогрессивное человечество. – Я переключу?

– Конечно.

На этот раз на экране возникла толстая, изуродованная жизнью тетка с накрашенным ртом, которая на ломаном

сербском языке убеждала югославов в том, что бомбежки производятся для их же блага, что та свобода, которой они были лишены до сих пор, теперь воссияет над их мертвыми головами во всем своем слепящем великолепии.

– Так, – проговорил Пафнутьев чуть слышно. – Дальше.

Дергающаяся певичка показывала всем желающим части своего тела, наиболее, по ее мнению, удавшиеся природе.

– А знаешь, эта Мадонна менее бесстыдна, нежели та баба, которая была до нее, – задумчиво проговорил Халандовский, снова переключая программу. Экран заполнили потные тела, оружие, искаженные оптикой рожи, скрежет мощных звуковых установок, блики лазерных лучей.

– Что с ними? – спросил Пафнутьев невинным, совершенно дурацким тоном.

– Музыкальные ансамбли. Победители национальных конкурсов. Пятая программа. Так называемая культурная.

– Крути дальше.

– Филадельфия опять проигрывает! – заорал не своим голосом спортивный комментатор. – Бостон на подъеме! Бостон впереди! Бостон неудержим в этой атаке! Это победа! Идут последние секунды матча! Какая победа!

– Аркаша, это действительно победа?

– Это оккупация, – невозмутимо ответил Халандовский, выключая телевизор. – Недавно, Паша, мне довелось видеть подшивку газет, которые выпускали немцы во время войны на занятых наших территориях.

– И что?

– То же самое, что ты сейчас видел. Правда, те газеты были пожелтевшими, выгоревшими от времени, а здесь краски вон какие яркие да сочные... Но суть та же. Должен, однако, сказать. – Халандовский поднялся, включил свет в комнате, положил на телевизор пульт. – Должен сказать, Паша, что те фашистские газеты были порядочнее, честнее. Да, они были оккупационными, но этого и не скрывали. А эти... – Халандовский склонил голову набок, как это он делал в минуты глубокой задумчивости.

– Я знаю одного типа, который без конца повторяет – друг Билл, друг Коль, друг Жак...

– Душить легче всего в объятиях, Паша, – заметил Халандовский, выходя из глубокой своей озадаченности. – Старый закон.

– Как жить, Аркаша?

– Делай свое дело. Не торопясь, каждый день, без стремления немедленно все исполнить и тем самым оказать уважение государственному департаменту, международному банку, очередному пройдохе, который указывает тебе с экрана, где лучше жить... Мы-то с тобой это прекрасно знаем.

– Да? – удивился Пафнутьев. – Где же?

– Вот здесь, – и Халандовский ткнул толстым своим, мохнатым указательным пальцем в пол. – Здесь! – повторил он. – С кем лучше общаться? Со мной! – и его указательный палец с той же непоколебимой уверенностью ткнулся в грудь,

куда более мохнатую, нежели палец.

– С чего начинать, Аркаша?

– Начало уже было. И середина позади. С ярмарки едем. А с ярмарки люди едут куда веселее – товар продан, денег полная сума, лошади бегут налегке, впереди родные избы! Так не открыть ли нам, мужики, припасенную бутылочку? Не выпить ли нам за удачную торговлю?

– Это вопрос или предложение? – спросил Пафнутьев, все еще подавленный увиденным на экране.

– Ха! – воскликнул Халандовский и громко хлопнул в ладоши. Хлопок получился неожиданно громким и вызывающим. Он сразу как бы подавил все поганые звуки, которые только что исторгали высококачественные японские динамики. Те звуки не просто замолкли, они исчезли, их вымело, как какие-то зловонные испарения, и комната сразу наполнилась чем-то радостным, безудержным, требующим немедленного воплощения. – Ха! – снова хлопнул Халандовский в ладоши, и его победа над силами зла стала окончательной.

Громадный, в мохнатом красном халате, он пронесся через комнату легко и невесомо, как победное знамя, а когда снова возник перед Пафнутьевым, в руках его была белая льняная скатерть. Взмахнув ею над головой, всколыхнув воздух до самых дальних и темных углов, он, как фокусник, как маг и чародей, четко и безупречно опустил скатерть на журнальный столик, сразу сделав его праздничным и нарядным.

– Как это понимать, Аркаша? – спросил Пафнутьев и по-

чувствовал, как в душе его что-то сладостно заныло, напряглось ожиданием, боязнь разочароваться в происходящем.

– Как понимать? Жизнь продолжается!

– Господи, неужели это возможно, – проговорил Пафнутьев слабым голосом. Легкое, невнятное предчувствие праздника превратилось в твердую уверенность. Эти слова свои он проговорил без вопроса, он вымолвил их, уже как бы смиряясь с неизбежным.

– Втяни воздух! – продолжал орать Халандовский. – Втяни ноздрями воздух! Неужели ты можешь ощущать только запах хлорки из своих тюремных коридоров? Запах переполненных камер и следственных изоляторов? Паша! Нюхай воздух! Ноздрями нюхай!

Пафнутьев послушно прикрыл глаза, вдохнул воздух и явно, осязаемо ощутил запах печеного мяса. Он узнал бы этот запах из тысяч других – это был запах жизни. Когда он открыл свои глаза, то увидел на белой скатерти две хрустальные бочкообразные рюмки, тарелку, разрисованную красными, обжигающими взгляд петухами. По другую сторону стола стояла такая же тарелка, а по обе стороны от них лежали ножи и вилки с тяжелыми металлическими ручками.

– О боже! – простонал Пафнутьев. – Неужели это возможно?

Халандовский не ответил.

Все тем же развевающимся победным стягом он рванулся на кухню и через несколько секунд, как показалось потрясен-

ному сознанию Пафнутьева – через две-три секунды, поставил на стол бутылку «Смирновской» водки. Но о том, какая это водка, Пафнутьев наметанным взглядом узнал только по форме бутылки, а сама бутылка, этикетка и наклепка на задней ее части – все было покрыто мохнатым инеем. Убедившись, что гость все увидел, все оценил и осознал, Халандовский бесстрашно обхватил бутылку ладонью, одним движением руки с хрустом свинтил пробку и наполнил обе рюмки тяжелой, прозрачной жидкостью, от которой хрусталь тут же покрылся тонким, уже не мохнатым, нет, изысканно матовым инеем.

– Будем живы! – воскликнул Халандовский, поднимая свою рюмку.

– А это... Закусить бы!

– Всему свое время, Паша! Вперед!

И столько было в халандовском голосе твердости, уверенности в правильности каждого своего слова, шага, жеста, что Пафнутьев беспрекословно подчинился и выпил обжигающе-холодный напиток. И понял: закусывать такую водку – грех и кощунство.

– А теперь скажи мне, Паша... Они нас победят? – Халандовский ткнул пальцем в сторону серого экрана телевизора.

– Никогда!

– С высоты двадцати километров бросать бомбы на головы беззащитных людей... Это они могут. Немцы тоже кое-что могли. Даже газеты выпускали. И что? Недолго музыка

играла, недолго фраер танцевал!

Халандовский снова унесся на кухню и опять, как показалось Пафнутьеву, вернулся через несколько секунд. В руках он держал плоское керамическое блюдо с громадным куском мяса, от которого исходил такой дух, такой сумасшедший запах, что, вдохнув его, оставалось только откинуться на спинку дивана и в изнеможении закрыть глаза.

Что Пафнутьев и сделал.

Причем совершенно искренне, даже сам того не заметив.

– Да, Паша, да! – воскликнул Халандовский, водружая блюдо посередине стола и присаживаясь на диванчик. В одной руке его как бы сам по себе оказался длинный острый нож, а во второй – вилка с двумя чуть изогнутыми зубьями. Когда Халандовский с необыкновенно воодушевленным выражением лица воткнул вилку в мясо, когда он погрузил в него нож, до Пафнутьева наконец дошло, что от блюда исходит не только запах, переворачивающий все его представления о жизни, но и жар, и жар! Да, мясо было вынуто из духовки только что – действительно несколько секунд назад.

– Неужели это возможно, – проговорил Пафнутьев слабым голосом. – Неужели так бывает в жизни...

– А теперь скажи, Паша... Нас победят?

– Нас?! – возмутился Пафнутьев вопросу. – Да никогда! Никто! Ни за что! Никакими атомными, водородными, вакуумными, графитовыми и прочими бомбами, хотя они наверняка уже на нас наведены... Никогда.

– Полностью с тобой согласен. – Халандовский бестрепетной рукой снова наполнил рюмки лучшей в мире черной водкой и отрезал от куска два щедрых ломтя – сочных, горячих, издающих запах всех трав, всех корней мира.

– А мясо, между прочим, у тебя негуманное, – сказал Пафнутьев, опрокинув в себя рюмку и съев в мгновение ока свою долю.

– Это почему же? – Халандовский даже не обиделся, он лишь изумился такому неожиданному наглому заявлению.

– Пьешь, не пьешь – один результат.

– Это да! – охотно согласился Халандовский и опять взялся за нож и двузубую вилку. – Ты правильно заметил, – он отрезал два куска мяса, каждый размером со свою ладонь, безразмерную, между прочим, ладонь. – Могу поделиться кулинарными тайнами.

– Делись.

– Мясо нужно брать на базаре. Не скупясь. Оно должно быть парное и весом не менее трех килограммов.

– Отпадает, – сказал Пафнутьев, по-звериному урча над тарелкой. – Три килограмма на базаре – это моя недельная зарплата.

– Ну и что? – удивился Халандовский. – Тебе не надо каждый день бегать на базар. Достаточно, если пригласишь меня раз в три месяца.

– Это можно.

– Продолжаю... Ты берешь мясо, натираешь его всеми приправами, какие только есть в доме. Потом посыпаешь его всем, что подвернется под руку. Берешь тонкий, длинный, острый нож. Этим ножом, тонким и длинным, пронзаешь мясо в разных направлениях до середины куска и запихиваешь в надрезы сушеный кориандр, мускатный орех, черный перец.

– Остановись, – сказал Пафнутьев, обессиленно откидываясь на диванчик. – У меня началось повышенное, неуправляемое слюноотделение. Есть опасность захлебнуться.

– Намек понял, – сказал Халандовский и наполнил рюмки. – Но главная тайна, Паша, тебе еще неизвестна. Она заключается в том, чтобы определить момент, когда необходимо вынуть мясо из духовки. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Вынешь раньше – оно, простите, сыроватое. Вынешь позже – сухое. Это мясо ты можешь назвать сухим?

– Ты вынул его вовремя, Аркаша. Но как узнать, что заветная минута наступила?

– Только опыт, Паша, только опыт. Годы неустанных усилий, и ты сможешь определять этот краткий миг по форме облака за окном, по лаю соседской собаки, по тому неистовству, которое охватывает твоего кота, ошалевшего от колдовских испарений. Ну и, конечно, угадать эту, как ты говоришь, заветную минуту можно по запаху, цвету, вкусу того мяса, которое томится у тебя в духовке! По трепету собственных ноздрей!

Халандовский чокнулся с Пафнутьевым и, не произнеся ни единого слова, выпил. Да так и остался сидеть на диване, даже забыв поставить стопку на стол.

– Мысли посетили? – поинтересовался Пафнутьев.

– Может быть, может быть, – несмотря на совершенно потрясающую водку, невообразимо прекрасную закуску, Халандовский оставался печален и отрешен. Скорее из вежливости, нежели от радости, он вскрикивал время от времени, произносил нечто поддразнивающее, но от Пафнутьева не укрылось истинное его настроение.

– Слушаю тебя, Аркаша, – сказал он.

– Слушаешь? – Халандовский был не в силах сразу покинуть те мысленные пещеры, провалы, чащобы, в которых он только что блуждал. – Помнишь, Паша, совсем недавние времена, когда лучшие люди страны, к которым я отношу и нас с тобой, собирались вечерами на пятиметровых кухнях и за паршивой водкой без усталости трепались, искали какую-то там истину, возмущались и клеймили, воздевали, как красиво воздевали руки к небу!

– Помню, – обронил Пафнутьев.

– А сейчас мы сидим в большой комнате, пьем неплохую водку, закусываем не самым худшим образом... А говорить не о чем. Не о чем, Паша, говорить.

– Ну, почему же, – попробовал возразить Пафнутьев, но Халандовский широким и гневным взмахом руки, красным махровым рукавом халата заставил его замолчать.

– Нам все ясно, Паша. Страшно, когда все ясно и говорить не о чем. Эти хмыри, – он кивнул в сторону серого экрана телевизора, – нас убеждают, что мы жили плохо, унижительно, за нами следили, подслушивали, затыкали рты, таскали по разным подлым конторам, вынуждали молчать и врать... Это было?

– Не было.

– Всю жизнь я говорил то, что думал, поступал как хотел, общался с теми людьми, которые мне нравились, пил с теми, которых любил. Надеюсь, ты вел себя так же?

– Конечно.

– Я был не слишком угодливым, я был чреватым и достаточно неожиданным гражданином, но никто, никогда не бросил мне ни слова упрека. Не говоря уже о более серьезном осуждении. Разве что женщины, – Халандовский неопределенно повертел в воздухе растопыренной ладонью, – но и с ними я всегда находил общий язык, и за моей спиной не осталось ни одной зареванной, несчастной, озлобленной, голодной женщины. Ни одной. С любой из них я могу встретиться хоть сегодня, и у нас будет не самый плохой вечерок.

– Может быть, так и поступить? – неловко пошутил Пафнутьев.

– Помолчи, Паша. Весь ужас сегодняшнего дня в том, что нам все ясно. Мы проданы, ограблены и изнасилованы в самой извращенной форме, как ты пишешь в своих протоколах. Этот спившийся придурок приватизировал страну и ве-

дет себя куда беспардоннее, чем я в подсобке своего гастронома. Паша, может быть, ты мне не поверишь, но признаюсь – у меня на уме не только деньги, водка и бабы. У меня на уме еще кое-что, – Халандовский протянул руку к почти опустевшей бутылке, разлил водку в рюмки, которые тем не менее неожиданно оказались почти полными. – За победу! – сказал он. – Пусть в душе живет чувство победы.

– А его нет?

– И давно.

– И никаких просветов?

– Никаких, Паша. По всем программам, – Халандовский печально махнул рукой в сторону телевизора, – меня убеждают, что все пропало, надеяться не на что, что каждый день по всей стране гремят взрывы, рушатся мосты, падают самолеты, не платят зарплату, люди толпами уезжают в какие-то счастливые страны... Представляешь, у бабки в деревне газовый баллон взорвался – целый день по шести программам сообщали мне об этом кошмарном случае: не было в этот день других катастроф. Целый день по всем программам! Жертв нет, пожар не возник, никто не пострадал, куры остались целы, козел даже не обгорел... Но баллон взорвался! Они делают все, чтобы мне не было жалко свою страну, когда ее окончательно завоюют.

– А ты?

– Готов взять в руки автомат.

– И куда с ним?

– Знаешь, Паша, не тебе говорить... Пули обладают странной способностью находить нужного человека. Я могу пить водку, жарить мясо, кричать громким голосом, созывать гостей к столу... Могу. Но... Когда в тылу все в порядке. А сейчас у меня нет тыла. Пустота. Опасная такая, холодящая пустота, наполненная воплями из этого вот ящика. – Халандовский, не глядя, ткнул большим пальцем за спину.

– Ты, наверное, красно-коричневый? – спросил Пафнутьев.

– Шутишь, да, Паша?

– Если тема не допускает шуток, значит, это несерьезная тема.

– Да-а-а? – уважительно протянул Халандовский и склонил голову набок, пытаясь понять услышанное. – Ты, наверное, выпить хочешь? Я правильно тебя понял? – в голосе Халандовского появилась надежда.

– И это тоже. Подожди! – Пафнутьев остановил метнувшегося к холодильнику Халандовского. – Я все-таки отвечаю... Знаешь, пустота за спиной... Она еще наполнится людьми, светом, голосами, музыкой... Наполнится. А я... я буду делать свое дело. И ничто меня не остановит.

– И никто не купит?

– Пусть только попробуют! – с дурашливой угрозой проговорил Пафнутьев.

– И никто не купит? – с тем же выражением, но тише повторил Халандовский. – Ни за какие деньги?

Пафнутьев пошарил взглядом по столу, убедился, что бутылка пуста, его рюмка тоже пуста, и лишь после этого посмотрел в глаза Халандовскому.

– Не знаю, Аркаша, не знаю. Нетрудно ответить, что да, дескать, никогда, никто, ни за какие деньги! Но я знаю, что такие слова... Никогда, навсегда, по гроб жизни... Немногого стоят. Серьезные люди их не произносят. Девочка и мальчик могут клясться друг другу в сиреневых кустах... Но мы-то с тобой знаем, чем кончаются такие клятвы.

– Чем, Паша?

– Младенцами в мусорных ящиках. Каждый день в мусорных ящиках находят живых, полуживых, задушенных, забытых младенцев.

– И больше ни к чему юношеские клятвы не приводят? – изумленно спросил Халандовский.

– Может быть, случается что-то и менее печальное, но это уже не по моей части. Это по другому ведомству.

– Паша, у тебя в жизни два выхода.

– Ну?

– Или напиться, или поменять работу.

– Я выбираю первое.

– Понял, – Халандовский опять рванулся было к холодильнику, но на этот раз его остановил телефонный звонок. – Да! – раздраженно закричал он в трубку. – Вас слушают! О! – воскликнул он через секунду голосом, полным раскаяния. – Виноват! Нет мне прощения. Исправляюсь немедленно! Ви-

ка! – Халандовский протянул трубку Пафнутьеву.

– Надо же, – удивился тот и еще некоторое время медлил, пытаясь понять, что заставило жену звонить в столь неурочный час. – Пафнутьев на проводе, – наконец сказал он, сразу осев, ссутулившись и как бы смирившись с неизбежным.

– Паша, ты как? В порядке?

– Как всегда!

– Понятно, – сказала Вика, но как-то не так сказала, не тем тоном, который Пафнутьев мог принять спокойно и равнодушно. Прозвучала в голосе Вики нотка безутешности и горького, смиренного понимания.

– Что тебе понятно, дорогая?

– Звонил Шаланда.

– И что?

– Тебя ищет.

– Зачем?

– Он будет у себя еще минут пятнадцать. И просил... Если сможешь, позвони ему, – и опять в слове «сможешь» прозвучала та самая нотка безутешности.

– Смогу.

– Он звонит уже не первый раз... Я скажу, чтобы он ждал твоего звонка, да?

– Он у меня дождется! – дурашливо прошипел в трубку Пафнутьев.

– Паша... Ты не слишком задержишься?

– Теперь-то уже наверняка слишком. Шаланда зря зво-

нить не станет...

– Мой ужин, конечно, несравним с халандовским, но и он тебя ждет.

– Дождется, – повторил Пафнутьев.

– Спокойной ночи, Паша.

– Вот за это спасибо, – Пафнутьев с силой потер лицо ладонями, беспомощно посмотрел на Халандовского.

– Еще рюмку? – спросил тот.

– Я, конечно, дико извиняюсь...

– Понял. Тебе нужен кусок мяса в дорогу.

– Зачем?

– Кто знает, когда ты в своей жизни, полной риска и смертельной опасности, снова соберешься перекусить, – и Халандовский, подхватив на кошмарную свою вилку оставшееся мясо, понес его на кухню.

А Пафнутьев тем временем набрал номер Шаланды.

– Куда ехать? – спросил Пафнутьев вместо приветствия, едва Шаланда успел поднять трубку, едва успел произнести свое сипловатое: «Слушаю!».

Шаланда помолчал некоторое время. Он узнал голос Пафнутьева, тем более что ждал его звонка, но вот так сразу ответить на вопрос... А нет ли в нем скрытой насмешки, не таится ли здесь злая шутка или желание обидеть его, поставить на место? Своим вопросом Пафнутьев лишил Шаланду возможности сделать замечание, поворчать – после вопроса Пафнутьева все его назидательные слова теряли смысл.

– За город.

– Убили?

– Убили, – помолчав, ответил Шаланда, решив, видимо, что подробно говорить о таких вещах по телефону не следует.

– Большой человек?

– Да.

– Совсем-совсем большой?

– Паша... – Шаланда был задет легкомысленным тоном Пафнутьева. – Скажи мне, пожалуйста... Не скрывая, не тая... Куда за тобой заехать?

– Другими словами, человек настолько большой, что даже я там понадобился?

– Да.

– И даже ты? – продолжал удивляться Пафнутьев.

– Да, – на этот раз Шаланда все-таки уловил насмешку и обиделся.

– Знаешь, где живет мой лучший друг и твой восторженный поклонник Аркаша Халандовский?

Не отвечая, Шаланда положил трубку.

– Чей я восторженный поклонник? – спросил Халандовский, появляясь в дверях с объемистым свертком, обернутым промасленной бумагой.

– Шаландовский, – рассмеялся, наконец, Пафнутьев.

– А, да... Это за мной водится. Заглянул бы когда-нибудь со своим Шаландой, а? Говорят, забавный такой человечек...

Заглянешь?

– С одним условием.

– Ну?

– Сможешь повторить такое же мясо?

– Я сделаю его лучше, Паша! – вскричал Халандовский в полном восторге от предстоящей встречи.

– Лучше не бывает, – Пафнутьев встал и направился в прихожую.

– Паша! – на глаза Халандовского, кажется, навернулись слезы благодарности. – Неужели не шутишь?

– Есть вещи, которыми не шутят, – сурово ответил Пафнутьев.

Был поздний вечер, почти ночь, дорога оказалась свободна, весенний воздух хорошо охлаждал мотор, и машина мчалась на предельной скорости. Микроавтобус был заполнен полностью. Впереди, рядом с водителем, мясисто и непоколебимо, с чувством правоты во всем, что его касалось хоть в малой степени, сидел Шаланда. Разговаривал, не оборачиваясь, и была в его спине, в загривке, в развороте плеч какая-то скрытая обида, будто все остальные вынуждали его поступить хуже, чем он хотел, заставляли в чем-то отступить от самого себя.

А дальше, за шаландовской спиной, расположились остальные. Нервно вздрагивая во сне, Худолей спал, прислонившись головой к холодному стеклу. На коленях у него стояла сумка со всем имуществом, которое положено иметь экс-

перту при выезде на место происшествия. Пафнутьев молча смотрел на ночную дорогу, на огни встречных машин, и до сих пор стоял у него перед глазами накрытый стол Халандовского, который пришлось оставить так спешно и некстати. Молча и даже как бы невидимо сидел Андрей, а за ним – два оперативника.

– Шаланда! – неожиданно громко произнес Пафнутьев, когда город остался позади и в свете фар замелькали низкие домики с темными, еще не ожившими садами.

Шаланда вздрогнул от неожиданности, недовольно подвигал плечами, но не откликнулся.

– Куда едем? – продолжал Пафнутьев. – Пожар? Наводнение? Землетрясение?

– Убийство.

– Да-а-а? – по-дурацки удивился Пафнутьев. – Кого же на этот раз?

– Объячев. Константин Александрович Объячев.

– Тот крутой, что ли?

– Он самый.

– Не может быть, – разочарованно произнес Пафнутьев, глядя в окно.

– Чего не может быть? – развернулся Шаланда, чтобы пронзить Пафнутьева гневным своим взглядом, но, не увидев ничего в темноте, снова обернулся к лобовому стеклу. – Чего не может? – повторил он уже спокойнее.

– Такого человека убить нельзя.

– Почему?

– Потому что он сам убьет кого угодно.

– И на старуху бывает проруха.

– На старуху – бывает, – рассудительно проговорил Пафнутьев. – Со старухами вообще случается черт знает что. Недавно на кладбище одну изнасиловали. Восемьдесят шесть лет. Такая вот проруха... Ум меркнет.

– Я знаю, отчего меркнет твой ум, Паша, – сказал Шаланда со скрытой усмешечкой, с той самой усмешечкой, которую Пафнутьев ненавидел больше всего в жизни, которая вводила его в бешенство за доли секунды.

– Отчего же он меркнет?

– Ладно-ладно, – миролюбиво проговорил Шаланда, мгновенно почувствовав по пафнутьевскому голосу, что над его головой начали сгущаться тучи.

– Смотри... А то я готов поговорить и на эту тему.

– Замнем, Паша. Виноват. Прости великодушно.

– Так что с Объячевым? – сжалился Пафнутьев.

– Дыра в голове.

– Большая?

– Смотря с какой стороны. Входное отверстие поменьше, выходное – побольше. Как обычно и бывает в таких случаях. Но самое интересное – в своей кровати помер мужик.

– Это как? – не понял Пафнутьев.

– Заснул и не проснулся.

– Почему?

– Во время сна в голове дыра образовалась, – усмехнулся Шаланда. – Так бывает.

– Сонного, что ли, застрелили?

– Вот и до тебя, Паша, дошло.

Пафнутьев не ответил.

Подобные выпады его не задевали.

Он обижался, когда намекали на то, что не совсем трезв, что многовато выпил, хотя и меньше, чем вчера. Задевало, когда знал – удар точный, сознательный и обдуманый. Злой удар. Болезненный. Собственно, даже не так – его бесило не само оскорбление, а желание оскорбить. Слова, какими бы едкими они ни были, его не трогали.

– Объячеву ясновидящая нагадала недавно, – проговорил Андрей. – Он иногда к ясновидящей наведывался.

– И что? – заинтересовался Пафнутьев.

– Вот она и успокоила Объячева... Дескать, нечего тебе, любезный, волноваться, переживать и чего-то там опасаться. В своей кроватке помрешь. Он понял это так, что суждено ему дожить до глубокой старости.

– Откуда тебе все это известно?

– Весь город знает. Объячев сам по телевизору рассказал. Этак посмеиваясь. Дескать, теперь ему бояться нечего, теперь он вроде бы заговоренный.

– Значит, не все сказала ясновидящая.

– Или ее не так поняли, – добавил Шаланда.

– Найти бы ее, – предположил Андрей.

– Найдем, – Пафнутьев некоторое время молча смотрел в черное лобовое стекло. – Узнаем, на кого работает.

– Ты думаешь, что она... – не решившись продолжать дальше, Шаланда снова развернулся к Пафнутьеву.

– Без сомнения, – уверенно проговорил тот. – Наверняка.

– Смотри, как все у них схвачено! – ужаснулся Шаланда, и только дружный смех за спиной заставил его спохватиться. – Если предсказание действительно было, эту бабу надо найти, слышишь, Олег!

– Слышу, – отозвался оперативник.

– Завтра.

– Не сегодня же, – в этих словах явно прозвучала дерзость, и Шаланда, снова развернувшись, некоторое время невидяще смотрел в темноту. – Можно и сегодня, – пробормотал он уже про себя.

– Готов, – продолжал куражиться оперативник, видимо недавно работавший с Шаландой и плохо еще знающий своего начальника.

– Да? – легко отозвался Шаланда, не оборачиваясь. – Принимается. Володя, останови машину, – он положил руку на колено водителю.

Автобус вильнул к обочине.

– Вылезай, – сказал Шаланда, не оборачиваясь.

– Я, что ли? – осевшим голосом спросил Олег.

– Ну не я же!

– И куда?

– Завтра к девяти, к началу рабочего дня, эта предсказательница, гадалка, колдунья, сообщница убийц... Называй ее, как хочешь, но она должна быть возле моего кабинета. И ты вместе с ней.

– Так ведь это... Вроде того что...

– Вылезай.

– С чего начинать-то?

– С телестудии, – подсказал Пафнутьев.

Парень неловко протиснулся к проходу, нарочито замедленно, спотыкаясь и цепляясь за ручки, все еще не веря, что безобидный перебрех с начальством может кончиться так необратимо. Уже прыгнув на обочину, он все еще не закрывал за собой дверь, ожидая предложения вернуться.

– Поехали, – решительно сказал Шаланда, и машина рванула с места. Дверцу кто-то изловчился захлопнуть уже на ходу. – Ну что, – обернулся Шаланда к Пафнутьеву. – Осуждаешь?

– Нисколько.

– Он ведь переступил черту? – Шаланда, видимо, и сам не ожидал от себя столь решительных действий.

– Два раза.

– Ты бы его высадил?

– Нет. Я бы напомнил ему об этом попозже.

– Это потому, Паша, что ты очень злопамятный, – сделал неожиданный вывод Шаланда и надолго замолчал.

Где-то после двадцатого километра плотная стена сосно-

вого леса, подступавшая к самой обочине, неожиданно раздвинулась, образовав большую, просторную поляну, уставленную причудливыми коттеджами. Одни уже светились многочисленными окнами, другие были недостроены, стены третьих едва поднимались над фундаментами. Кучи глины, траншеи, груды бетонных блоков, замершие на ночь краны, бульдозеры, самосвалы – все это, освещенное луной, редкими лампочками, строительными прожекторами, представляло собой картину почти фантастическую.

Подмерзшая к ночи дорога позволяла без помех добраться до самой середины поселка новых русских, которые так спешили, так торопились вложить рискованные свои деньги в нечто надежное и необратимое – в жилье. Двухэтажные особняки попадались редко, в основном возводили трех- и четырехэтажные, да еще с подвалами, которые тоже делали на двух уровнях, словно готовились к неизбежной атомной бомбардировке. А там, кто знает, может быть, не так уж они были далеки от истины. Атомной – ладно, но обычных бомбардировок последнее время все мы можем ждать со дня на день, со дня на день, ребята.

Когда машина приблизилась к центру поселка, от забора отделилась темная фигура и остановилась посередине дороги. Лужи успели подмерзнуть, и сутуловатая мужская фигура во весь рост отражалась в темном льду.

– Похоже, нас встречают? – проговорил Пафнутьев.

– Попробовали бы не встретить, – откликнулся Шаланда.

Водитель включил дальний свет, и сразу стало видно, что на дороге стоит плотный мужик, сунув руки в карманы куртки и склонив голову вперед, будто собирался бодаться с микроавтобусом. Уходить в сторону он, видимо, не собирался, может быть, просто потому, что некуда было сойти – под тонким льдом таилась густая глиняная жижа разъезженной грузовиками дороги.

Почти упершийся бампером в живот мужика автобус остановился. Водитель опустил стекло, высунулся наружу.

– Ты звонил?

– Милиция? – не отвечая, спросил мужик.

– Ну! Милиция!

– Давайте направо, – мужик показал поворот дороги прямо перед собой.

– Проедем?

– Если с разгона... Получится. Вон к тому дому. Там ворота распахнуты. Сразу и въезжайте.

Водитель поворчал немного, подергал рычаги, оглянулся, желая убедиться, что пассажиры осознали, в каких условиях ему приходится работать. И начал сворачивать вправо, одновременно нажимая, нажимая на газ, пытаясь придать машине хоть какое-то ускорение. И действительно, чиркнув глушителем по смерзшимся комкам глины, автобус выехал на твердую поверхность и, проскочив метров тридцать, оказался у ворот.

– Кажется, пронесло, – пробормотал водитель, въезжая во

двор. Площадка перед гаражом была забетонирована, более того, даже, кажется, вымыта. И тут же в воротах показался мужик, которого они оставили на повороте.

Пафнутьев выпрыгнул из машины на бетон, прошел вдоль гаража, присел несколько раз, разминая затекшие ноги, осмотрел дом. Сооружение оказалось достаточно внушительным – метров двадцать на двадцать.

– Ни фига себе! – пробормотал Пафнутьев озадаченно. – Почти четыреста метров площадь одного этажа. А их здесь... – он задрал голову вверх. – Их здесь три, да плюс подвал, да еще, кажется, вверху мансардный этаж... Это сколько же получается... Две тысячи метров полезной площади... Да пристроенная башня... Две тысячи! – громко сказал Пафнутьев, приблизившись сзади к Шаланде.

– Что? – тот вздрогнул от неожиданности.

– Говорю: в домишке этом две тысячи квадратных метров полезной площади.

– Так не бывает.

– Четыре этажа, включая мансардный. Множь, Шаланда, множь. Размер дома у основания примерно двадцать на двадцать. Вот и получается две тысячи квадратных метров. А у тебя в квартире сколько?

– Шестьдесят, – проворчал Шаланда, словно уличенный в чем-то недостойном.

– У меня тоже шестьдесят, – сказал Пафнутьев. – Заметь: не жилая, а общая.

– Перебьешься, – Шаланда не сумел скрыть своего удовлетворения – у него квартира, оказывается, ничуть не меньше.

– Перебиваюсь, – развел руками Пафнутьев и, ухватив за рукав мужика, который в очередной раз суетливо пронесился мимо, подтащил к себе. – Скажи, старик, кто ты есть?

– Не понял? – обернулся тот, безуспешно пытаясь высвободить рукав.

– Повторяю – кто ты есть? Почему носишься по двору? Кто тебе поручил встречать нас? Как вообще понимать твое здесь пребывание? Я внятно выражаюсь?

– Докладываю... Вохмянин моя фамилия. Охранник.

– Или телохранитель?

– Можно и так сказать.

– Значит, не уберег ты тело своего хозяина?

– Тело на месте.

– Это где же? – Шаланда тоже решил принять участие в разговоре.

– В кровати.

– Тело мертвое?

– Вполне.

– Что случилось?

– Выстрел в голову.

– Куда именно? – уточнил подкраившийся сзади Худолей.

– Пуля вошла между ухом и виском. Это важно?

– Очень, – кивнул Худолей.

– Наверное, это о многом говорит? – Вохмянин явно на-

рывался на крутой разговор.

– Да, – кивнул Худолей. – О многом. Для убийства надежнее точки нет.

– Между ухом и виском? – простодушно удивился Вохмянин. – А мне всегда казалось, что лучше всего стрелять в затылок.

– Затылок – тоже ничего, – согласился Худолей и отошел, чувствуя, что перебил начальственный разговор. – В конце концов, все зависит от ловкости рук, – пробормотал он уже про себя.

– Может быть, войдем в дом? – предложил Вохмянин.

– Обязательно, – и Шаланда первым направился к причудливому арочному сооружению со ступеньками – там, по его представлению, должны были находиться двери.

Из какой-то ниши раздался рык громадной собаки, но в темноте ее не было видно, а судя по тому, что Вохмянин не обратил на рык никакого внимания, собака была надежно привязана.

Сразу за дверью оказался просторный вестибюль с вешалкой, зеркалом и небольшим диванчиком.

– Неплохо, – сказал Пафнутьев. – Я бы не отказался.

– Что-то ты, Паша, последнее время все увиденное примериваешь на себя, – проворчал Шаланда, стаскивая тесноватый плащ.

– Конечно, на себя, – не задумываясь, ответил Пафнутьев. – На тебя ведь все мало. И этот дом на тебя мал, как

я вижу.

– Какую я недавно женщину примерил, – негромко про-
бормотал Худолей, но Пафнутьев его услышал.

– И что? – спросил он.

– Велика оказалась. По запросам.

– Сюда, – сказал Вохмянин, распахивая двустворчатую
дверь. За ней Пафнутьев увидел большой зал с тремя окнами
и камином. Посредине стоял стол овальной формы, а вокруг
него – около десятка стульев. – Присядем? – предложил Вох-
мянин. – Я доложу обстановку, а потом уж вы приступайте.

– Пусть так, – солидно кивнул Шаланда. – Только без
ненужных подробностей.

– А мне, пожалуйста, с подробностями, – заметил Паф-
нутьев. – Причем мне больше всего нравятся ненужные по-
дробности.

Вохмянин посмотрел на одного, на другого, пытаясь по-
нять столь противоречивые указания, и лишь после того, как
Пафнутьев подмигнул ему, кажется, понял – начальство шу-
тит.

– Значит, так, – Вохмянин скромно присел к столу меж-
ду Худолеем и оперативником. – Был ужин... Часа три-четы-
ре назад. Можно уточнить. Присутствовал сам Константин
Александрович...

– Это кто? – спросил Шаланда.

– Объясч.

– Ах да! Продолжай.

- Жена... Маргарита.
- Кстати, где она?
- Наверху. У себя. Пьяная.
- Напилась за ужином или после?
- После. За ужином трудно было напиться... Сухие красные вина, виски, мясо, овощи... Хозяин пил водку.
- Много? – успел вставить Пафнутьев.
- Не знаю, как кому... Бутылку выпил.
- Поллитровую?
- Да. Пол-литра.
- Кто еще был?
- Секретарша.
- Она здесь?
- Все здесь. Никто не ушел. Я не позволил.
- Молодец! – похвалил Шаланда. – Ужинаешь вместе со всеми?
- Когда как.
- А сегодня?
- Сегодня – со всеми.
- Кто еще?
- Этот... Как его, – не улыбочное лицо Вохмянина напряглось в задумчивости. – Выюев Олег Игоревич.
- Кто такой? – спросил Шаланда, не желая выпускать из рук нить разговора.
- Ну... Назовите его деловым партнером. Он уже несколько дней здесь околачивается. Гостит. И вот дождался. Те-

перь, как я понимаю, не скоро уедет к себе на Украину.

– Дети? – спросил Пафнутьев.

– Сын. Сергей.

– Хороший сын?

– Чего ж ему быть нехорошим... Но, опять же, не без некоторых недостатков.

– Ну? – требовательно произнес Шаланда.

– Немножко наркоман.

– Со стажем? – уточнил Пафнутьев.

– Да. Лечился.

– Безуспешно?

– А в этом деле, как я понимаю, не бывает больших успехов, – Вохмянин пожал тяжелыми, литыми плечами. – Разве что в одиночку запереть, лет этак на десять.

Разговор продолжался, и Пафнутьев, прислушиваясь к звукам за пределами каминного зала, все-таки улавливал, улавливал некоторые признаки жизни. Что-то упало наверху, хлопнула дверь, по трубе, замурованной в стене, глухо прошумела вода, кто-то прошел за дверью, он услышал осторожные шаги и всхлипы. Басовито и беззлобно пролаяла собака на крыльце, включившись в поселковый собачий перебрех. Дом был явно пустоват, людей здесь было гораздо меньше, чем требовалось для нормальной жизни на таких площадях.

Пафнутьев встал, прошелся по комнате, заглянул в камин, но, кроме мятых бумаг, упаковок, ничего не увидел, – ви-

димо, его использовали именно для этих целей – сжигали мусор. Дом продолжал строиться, и везде были видны цементная пыль, опилки, стружки, в углу стояли еще не приколоченные плинтусы, дорогие плинтусы, дубовые, хорошей гладкой выделки.

– Выстрел слышали? – неожиданно спросил Пафнутьев у Вохмянина.

– Нет, никто не слышал.

– Вы заходили к Объячеву, когда он уже был убит?

– Я зашел, чтобы спросить...

– Оружие видели?

– Не было никакого оружия.

– Пулю подобрали?

– Не было пули.

– Но рана сквозная?

– Да.

– А пули нет?

– А пули нет, – послушно повторил охранник.

– Вы ее не нашли или не искали?

– Искал, но не нашел.

– Значит, убийца не торопился? У него было много времени?

– Почему вы так решили?

– Ну, как же... Он прицелился, увидел, нащупал и выстрелил в очень продуманную точку – между ухом и виском, так? А потом, не обращая внимания на колотящееся в судорогах

тело, принялся искать пулю и ушел вместе с ней. И с оружием. Я правильно понимаю происшедшее?

– Ничего не могу возразить, – Вохмянин беспомощно развел руки в стороны.

– Ведите нас к хозяину.

– Какому... хозяину?

– Мертвому! – с вызовом произнес Пафнутьев, чем окончательно сбил с толку охранника. – Коли не уберегли живого, ведите к мертвому.

– Как-то вы выражаетесь...

– Как?

– Я бы сказал – недостаточно почтительно.

– А вы? Вы – телохранитель, вы почтительно выражаетесь о своем хозяине?

– Так ли уж важно, как я выражаюсь, – пробормотал Вохмянин.

– Вот и я о том же, – с легким раздражением подхватил Пафнутьев. – Так ли уж важно, как я выражаюсь. Убийца в доме, я правильно понимаю?

Вохмянин остановился, постоял, опустив голову, словно увидел на полу что-то важное, потер кончиками пальцев складки лба, поднял глаза на Пафнутьева.

– Вы видели собаку у входа? Среднеазиатская овчарка. Ростом с теленка. Она никого не впустит.

– И не выпустит?

– Своих, конечно, выпустит, но чужих... Нет.

И Вохмянин направился к круглой башне, в которой была смонтирована винтовая лестница. Видимо, вначале ее сварили из металлических уголков, а уже потом на них закрепили дубовые ступени. Лестница была еще не закончена, предполагалось, что металл будет обшит дубом, и тогда башня приобретет обжитой вид. Лестница освещалась тусклым светом, идущим откуда-то сверху; дубовые ступени, привинченные к уголкам стальными болтами, даже не поскрипывали под ногами полудюжины гостей.

Вохмянин остановился на третьем этаже, подождал, пока все поднимутся в небольшой холл, отделанный вагонкой.

– Здесь, – сказал он, показывая на дверь. – Спальня.

Шаланда решительно шагнул вперед и первым вошел в комнату. Но там оказалось совершенно темно, и он беспомощно оглянулся. Вохмянин протиснулся между дверным косяком и застрявшим в дверях Шаландой, нащупал выключатель, нажал кнопку.

Свет оказался мягким, сумрачным.

Но главное, что было в этой комнате, все увидели сразу.

На широкой двуспальной кровати, отделанной дубовой резьбой, разбросав руки в стороны, лежал громадный детина с залитой кровью головой.

– Я не стал поправлять тело, – пояснил Вохмянин, – вдруг, думаю, вам это не понравится.

Объячев был в белом махровом халате с подкатанными рукавами, обнажившими сильные, крупные руки. На за-

пьястве, у основания большого пальца, синели наколки, но разобраться сейчас в их содержании было невозможно.

– Обитатели дома – громко сказал Пафнутьев, привлекая внимание Вохмянина, – видели Объячева в таком вот виде?

– Да.

– Все видели?

– Все.

– Никто не упал в обморок?

– Должен сказать, – Вохмянин опять потер кончиками пальцев молодые морщины на лбу, – здесь публика собралась... не слабая. С хорошими нервами. Поэтому, если вы думаете, что кто-то дрогнет...

– Хотите, признаюсь? – улыбнулся Пафнутьев. – Я никогда ни о чем не думаю. Нет надобности. Все уже передумал. Представляете, как здорово? И теперь живу, слова всякие произношу. А думать... Упаси боже.

– Может, это и правильно, – Вохмянин уже привык к тому, что с начальством спорить не следует. Впрочем, по его искреннему взгляду можно было догадаться, что он и в самом деле согласился с Пафнутьевым.

Худолей протиснулся вперед – пробил его час. Молча, но твердо он отодвинул в сторону Шаланду, его оперативника, Пафнутьев сам догадался отойти к стене. Сфотографировать Объячева можно было только со вспышкой, слабый свет спальни не позволял делать снимки без дополнительного освещения. Худолей заходил с разных сторон, приседал,

даже умудрился снять Объячева, взобравшись на подоконник.

Оперативник, оставшийся в одиночестве после того, как его напарника Шаланда высадил на дороге, молча и сосредоточенно, стараясь не мешать Худолею, принялся осматривать вещи, маленькие дубовые тумбочки по обе стороны кровати, стоящий в углу шкаф. Спальня было достаточно большой, метров двадцать пять. Лиловый мохнатый палас покрывал весь пол, до самых стен, как выражаются строители, под плинтус. На одной из тумбочек стояла початая бутылка виски и хрустальный ребристый стакан тоже с виски на дне, из чего можно было заключить, что хозяин перед смертью пригубил этого золотистого напитка.

Оперативник хотел было осмотреть бутылку повнимательнее и уже потянулся к ней, но Худолей успел ударить его по руке.

– Не прикасаться! – сказал он. – Ни к чему!

– Вряд ли отпечатки что-нибудь скажут вам, – проговорил Вохмянин. – Всем было позволено ходить по комнатам. Даже строителям.

– Каким строителям? – быстро повернулся к нему Пафнутьев.

– Я, наверное, не сказал – в доме живут двое шабашников с Украины.

– Что они здесь делают?

– Отделочные работы. Вагонка, уголки, плинтусы, обна-

личка, лестница... Это все на них.

– Где они обитают?

– В подвале. Там тепло, сухо, тихо.

– Они и сейчас там?

– Конечно, где же им быть. Днем по всему дому шастают, а на ночь – к себе, в подвал.

Пафнутьев подошел к окну, осмотрел шпингалеты, запоры, петли. Поколебавшись, отдернул штору, долго всматривался в ночную темноту. Шаланда тоже подошел к окну, склонился к самому стеклу и, прижав ладони к глазам, долго смотрел в ночь, будто хотел увидеть что-то важное – такое, что никому никогда не увидеть.

– Пуля прошла навывлет и ударилась вот сюда, – Худолей показал на стене выбоину.

– И что же из этого следует? – недовольно проворчал Шаланда, задетый тем, что не его подчиненный увидел след.

– Из этого следует, – Худолей повернулся к Пафнутьеву, давая понять, что отвечает своему начальству, а не каким-то там посторонним. – Из этого следует, Павел Николаевич, что убийца стрелял не от двери, не от окна, не от той или этой стены. Убийца спокойно приблизился к своей жертве и с близкого расстояния, присев и выбрав точку, спустил курок.

– Выходит, что... – начал было Пафнутьев, но Худолей его перебил.

– Маленькая подробность, Павел Николаевич... Пуля прошла сквозь голову и над полом горизонтально. Убийца дей-

ствительно в момент выстрела присел. Ему, видимо, не хотелось стрелять в лицо...

– Это говорит о многом, – заметил Пафнутьев.

– Очень о многом. – Худолей, не выдержав, подмигнул красноватым своим глазом, давая понять, что уж мы-то с вами, Павел Николаевич, прекрасно знаем, что здесь произошло и как все надо понимать.

– О чем же это говорит? – спросил Шаланда, пересилив обиду.

– Это говорит о характере убийцы, о его отношениях с жертвой, может быть, даже и о половой принадлежности.

– Что значит половая принадлежность? Гомик он, что ли? – Шаланда все больше раздражался, чувствуя, что понимает не все намеки Худолея. – Педик? Сексуал какой-то воющий?

– У гомика вообще половая принадлежность как бы смазана. Я говорю о другом – мужчина это или женщина.

– И кто же это?

– Будем работать. – Худолей развел ладошки в стороны, прося не торопить его, дать возможность сделать выводы правильные, грамотные, должным образом поданные.

– Что-то ты темнишь, я смотрю.

– Пуля ударилась вот здесь и упала вот сюда, – показал Худолей на маленькое известковое пятнышко в ворсе ковра. – Злоумышленник явно не торопился – он увидел пулю на полу и, несмотря на то что за его спиной колотилась в

агонии эта громадная особь, подошел, наклонился, взял ее и унес с собой. Как и орудие преступления.

– Боже, сколько слов! – простонал Шаланда.

– Зато по делу, – проворчал чуть слышно Худолей, кротко взглянув на Пафнутьева, – дескать, мог бы и заступиться.

– У тебя есть еще мысли? – спросил Пафнутьев, откликаясь на жалобный худолеевский взгляд.

– И немало, – горделиво ответил тот.

– Слушаем тебя внимательно.

– Убийца чувствовал себя в этой комнате совершенно спокойно.

– Из чего это следует? – раздраженно спросил Шаланда, видя, что и он, и его опер не участвуют в разговоре, оказавшись как бы отодвинутыми в сторону.

– С вашего позволения, я вернусь к своей незаконченной мысли, – церемонно проговорил Худолей, давая понять, что Шаланда ведет себя не лучшим образом. – Так вот, убийца вел себя не просто спокойно, но еще и свободно. Причин может быть несколько. Возможно, он часто бывал в этой комнате, и она для него была почти родной. И, войдя сюда, он просто пришел к себе. Он мог даже закрыть за собой дверь на ключ.

– Она что, закрывается? – спросил Шаланда.

– Да, – ответил Худолей, не оборачиваясь, – он осмотрел дверь раньше, едва только вошел. – А сделав свое черное дело, убийца отпер дверь и вышел. Возможно иное объяс-

нение его спокойствия и неторопливости при совершении столь жестокого преступления.

– О боже, – чуть слышно простонал Шаланда.

– Да, с вашего позволения, я бы назвал это преступление действительно жестоким, – когда Худoley видел, что его слушают, когда ему и в самом деле было что сказать, он становился необыкновенно многословным и выпрненным. Эта его значительность при невзрачной наружности многих или раздражала, или попросту смешила. И только Пафнутьев, зная о сверхчеловеческой чувствительности Худoley, обостренной многолетним и безудержным употреблением всяких напитков, только Пафнутьев всегда слушал его терпеливо, понимая, что тот частенько говорит больше, чем сам понимает. – Так вот... Вторая причина, по которой преступник чувствовал себя здесь безопасно и безнаказанно – состояние, в котором находился этот несчастный человек... – Худoley кивнул на громадное тело Объячева.

– И в каком состоянии он находился? – спросил Пафнутьев.

– В совершенно беспомощном, – ответил Худoley и горделиво вскинул подбородок с уже выступившей седоватой щетиной – его тоже подняли с постели, и он не успел даже привести себя в порядок.

– А это из чего следует? – маясь от нетерпения, спросил Шаланда.

– Скорее всего он был смертельно пьян. Потому что, если

бы он просто спал, преступник не мог бы вести себя столь дерзко.

– В чем же выразилась дерзость?

– Дерзость выразилась в том, что он подошел со своим орудием преступления к жертве вплотную, поднес пистолет к голове, расчетливо выбрав самую уязвимую точку. И спустил курок. Обратите внимание, у него возле уха обожжены волосы. Значит, стрелял злодей с расстояния в двадцать-тридцать сантиметров. Как вы понимаете, – Худолей всех обвел пристальным взглядом, – с такого расстояния промахнуться трудно. – Он уронил голову на грудь, как это делают знаменитые скрипачи, исполнив нечто умопомрачительное. – Кстати, след пули в стене позволяет достаточно точно представить, в каком положении находился гражданин Объячев в момент убийства.

– В каком же положении он находился?

– Лежал вдоль кровати, лицом кверху, головой на подушке, ногами к двери.

– Надо же, – пробормотал Пафнутьев, – он, оказывается, заранее лег ногами к выходу.

– Да нет! Просто на этой кровати невозможно лечь иначе. – Худолей подошел к Пафнутьеву, присевшему на стул у окна, сел рядом. – Могу поделиться еще одним соображением, – негромко сказал он.

– Ну?

– Объячев на этой кровати спал один.

– В каком смысле?

– Без бабы. Не спала здесь с ним ни жена, ни любовница. Он всегда здесь был один.

– Из чего ты заключил?

– Кровать большая, просторная, двуспальная. Две подушки, два одеяла. Обрати, Паша, внимание – одна подушка измятая, замусоленная, несвежая, в общем-то, подушка. А вторая – чистенькая, взбитая, и рисунок на ней другой. Так бывает, когда мужик долго спит один, на своей стороне кровати, и ему время от времени меняют наволочки, простыню, пододеяльник. Вначале кровать была застелена одним комплектом белья, а когда его наволочка замусолилась, ее заменили. Менять и вторую не было смысла, она оставалась чистой. Все эти постельные подробности тебе, Паша, вряд ли пригодятся, но знать их, может быть, и нелишне. Авось где-то что-то всплывет.

– Нет, почему же, – поднявшись, Пафнутьев подошел к кровати – все оказалось так, как рассказал Худолей. – Это может оказаться забавным.

– Да?! – восхитился Худолей собственной проницательностью. – Паша! Я правильно тебя понял? Ты хочешь сказать, что время я здесь провел не зря?

– С пользой провел.

– И мне воздастся?!

– А разве бывали в нашей с тобой жизни случаи, когда...

– Паша! Да я сейчас такое здесь увижу! – Худолей вско-

чил и начал судорожно осматриваться по сторонам в поисках потрясающего следа, доказательства, улики. – Ты просто за голову схватишься и тут же скажешь Шаланде, которого я очень уважаю, тут же скажешь ему, кого надо задержать!

– А вот этого уже не надо, – усмехнулся Пафнутьев и только сейчас, повернувшись к двери, увидел, что все это время, прислонившись к косяку, молча, насупленно глядя на происходящее, стоял телохранитель Объячева. Естественно, он все слышал, естественно, делал какие-то свои телохранительские выводы. – Вы еще здесь? – растерянно спросил Пафнутьев.

– А где же мне быть? Я при вас. Вдруг возникнет какое поручение, просьба, – Вохмянин усмехнулся, осознав промашку следователя – не должен он был все слышать, видеть, не должен.

– Хорошо... – Пафнутьев помолчал. – Так сколько, вы говорите, человек живет в доме?

– Не считал, но можно прикинуть... – Вохмянин приготовился загибать пальцы, начиная с мизинца. – Сам хозяин... Его считать?

– Уже не надо.

– Начнем с меня... Я, секретарша, два строителя, подзадержавшийся гость, этот, как его... Выюев. Уже пятеро, да?

– Пятеро, – кивнул Пафнутьев. – Кто еще?

– Домработница... Она, правда, бывает не всегда.

– Но вчера была?

– Кажется, была.

– И в момент смерти тоже оставалась дома?

– Вполне возможно, надо уточнить.

– В таком случае вопрос – что это за домработница, которая остается на ночь?

– Она остается не только на ночь. Она остается дней на пять, только на выходные уезжает, и то не всегда, – усмехнулся Вохмянин. – Утром завтрак приготовит, вечером – ужин, посуду уберет, постель застелит...

– И в постели может задержаться?

Вохмянин усталился себе под ноги и погрузился в долгое, глубокое размышление. Казалось, такая мысль ему раньше в голову не приходила, и, только услышав вопрос, он задумался: а, в самом деле, может быть, она того, действительно озорничает по ночам?

– Так как же с постелью-то? – напомнил Пафнутьев. – Физические данные позволяют?

– Физические данные ей много чего позволяют.

– Значит, не исключаете?

Вохмянин поднял голову и, кажется, впервые за весь вечер посмотрел Пафнутьеву в глаза. И тот поразился, насколько может измениться человек за несколько секунд. Теперь на него смотрел твердый, жесткий человек, который ни перед кем не спасует, ни перед кем не дрогнет. Холодные глаза, плотно сжатые маленькие губы, низкий тяжелый лоб с глубокими молодыми морщинами.

– Не исключая, – почти неслышно проговорил Вохмянин. – Хотя эта домработница... В некоторой степени... Моя жена.

– В какой степени? – спросил Пафнутьев.

– По документам, по жизни, по детям.

– Как я понимаю, вы сами и привели ее сюда?

– Привел.

– А уводить не хочется?

– Пробовал.

– Даже так... – Пафнутьев растерялся от неожиданного признания телохранителя. – Но теперь-то все наладится?

– Трудно сказать, – Вохмянин смотрел все с той же твердостью, даже требовательностью, будто от него, от Пафнутьева, зависело, как дальше сложится семейная жизнь Вохмяниных, и ему предстояло прямо сейчас, немедленно предпринять что-то существенное.

– Бог даст, – ответил Пафнутьев несколько бестолково, но, похоже, Вохмянин именно этих слов и ждал – он перевел дыхание, весь как-то сник и вышел в коридор, давая понять, что секреты следствия его нисколько не интересуют. – Гражданин Худолей, – окликнул эксперта Пафнутьев, заметив, что тот выглядит более озадаченным, чем обычно. – Что-то тревожит? Мысли? Сомнения? Догадки?

– Если бы, Паша, я поделился сейчас своими мыслями и догадками... Вы все тут закричали бы от ужаса.

– Все-таки, я вижу, ты чем-то недоволен, а?

– Крови мало.

– Не понял?

– Открытым текстом говорю – мало крови.

– Сколько же тебе ее нужно?

– Обычно бывает больше.

– Ну, знаешь... По-моему, тут и так все в кровище.

– И все-таки маловато.

– Кому тут крови мало? – гневно вмешался Шаланда. –

Тебе?! – он ткнул толстым пальцем в тощеватую грудь Худолея.

– Как скажете, гражданин начальник, – смиренно ответил эксперт, но была, была в его словах дерзость, и Шаланда прекрасно это почувствовал.

– Паша! – обернулся он к Пафнутьеву. – Как ты его терпишь? Откуда берешь столько сил, чтобы переносить этого отвратительного типа?

– Сам удивляюсь, – Пафнутьев беспомощно развел руки. – Все собираюсь выгнать, но он не соглашается.

– Отдай его мне! Я с ним разберусь!

– Чуть попозже, Шаланда, чуть попозже.

– Смотри, а то передумаю!

– У меня такое ощущение, – задумчиво проговорил Пафнутьев, – что кровь еще будет. Слышишь? – повернулся он к Худолею.

– Да, Паша, я все слышу. Спасибо. Ты меня успокоил. Только не отдавай Шаланде. Я подозреваю, что он хочет сде-

лать со мной что-то нехорошее. Может быть, даже непристойное.

Шаланда рванулся было к Худолею, но в дверях появился Андрей, и все невольно повернулись к нему. Только сейчас Пафнутьев обратил внимание, что все это время Андрея не было в комнате.

– Я, Павел Николаевич, осмотрел дом.

– И что?

– Знаете, ощущение какой-то бесконечности. Здесь надо прожить не меньше месяца, чтобы не опасаться заблудиться.

– Люди-то есть в доме?

– Изредка попадают. Публика сложная.

– В каком смысле?

– Нервные, самолюбивые, с ярко выраженным чувством собственного достоинства. Но, мне кажется, в таком доме других быть и не может.

– Разберемся, – сказал Пафнутьев. – Может быть, нам так поступить. Андрей... занимай позицию внизу и никого не выпускай.

– Мудрость руководителя в том, чтобы не давать невыполнимых заданий, – усмехнулся Андрей.

– Я дал именно такое задание?

– Да, Павел Николаевич. Помимо главного выхода, есть еще один – через застекленный зимний сад.

– Тут есть зимний сад?

– А из сауны дверь ведет на обзорную площадку, а с нее

гранитные ступени спускаются к бассейну. Не говоря уже о том, что с крыши по вертикальной лестнице можно напрямую спуститься во двор.

– Какой кошмар! – ужаснулся Пафнутьев.

– Я еще не сказал об отдельном выходе из подвала. Кроме того, из дома легко выбраться и через гараж.

– Это как? – не понял Шаланда.

– В гараж можно пройти из прихожей. Три-четыре ступеньки вниз – и узкая дверь. На воротах нет никакого замка, они запираются изнутри. Хорошими такими коваными штырями.

Пафнутьев постоял молча, обвел всех взглядом, словно предлагая подивиться необычности дома, в котором они оказались, повернулся к Андрею.

– Надо, чтобы хозяйка провела нас по дому.

– Это невозможно, – сказал Андрей.

– Почему?

– Пьяная. Вдребезги. Бросается предметами первой необходимости.

– Тапочками?

– В основном стеклянными предметами, Павел Николаевич.

– Какой кошмар, – повторил Пафнутьев.

– Бутылки, стаканы, рюмки...

– Какой кошмар.

Чем дальше ходил Пафнутьев по обячевскому дому в

сопровождении Вохмянина, тем больше охватывало его какое-то странное состояние, в котором он и сам не мог разобраться.

Изумление, озадаченность?

Были, но не они, не эти чувства, определяли его впечатление.

Скорее подавленность, угнетенность. Да, дом давил и не только тем, что в одной из его многочисленных комнат лежал труп хозяина с продырявленной головой, – нет. И не своей недостроенностью – в углах стояли свернутые ковры, по дому были разбросаны обрезки плитусов, вагонки, древесная пыль лежала на подоконниках, к ногам липли опилки и стружки, кое-где в углах можно было увидеть стопки кирпичей, мешки с цементом, но и этого всего Пафнутьев почти не видел.

Подавляли размеры.

Было совершенно ясно, что никогда этому дому не быть наполненным голосами, людьми, музыкой и светом, невозможно было себе представить семью, которая жила бы здесь в мире и согласии. Неожиданно появились большие деньги, им нужно было найти применение, и Объячев вложил их в дом, приобретя участок в самом заветном, самом дорогом месте пригорода. Деньги он вкладывал, похоже, по принципу – чем больше, тем лучше. Дубовые ступени, мраморный камин, гранитные подоконники, гараж, выложенный итальянской плиткой, которая спокойно могла принять на себя гусе-

ницы мощного танка, сауна и бассейн, уже выложенный испанской голубоватой плиткой с переливами, круглая башня с винтовой лестницей, комнаты, расположенные не только на этажах, но и по странному капризу архитектора – как бы в междуэтажных пространствах...

– Крутовато, – бормотал время от времени Пафнутьев. – Крутовато, – повторял он, столкнувшись еще с какой-либо особенностью этого громадного, но достаточно бестолкового сооружения. – И сколько же земли при этом домике?

– Сорок соток, – ответил Вохмянин.

– Ничего. Терпеть можно. А это... Люди?

– Что люди? – не понял телохранитель.

– Сколько людей предполагалось сюда поместить?

– Костя не любил об этом говорить.

– Костя – это кто?

– Объячев.

– Он был для вас просто Костя?

– Да, – помолчав, ответил Вохмянин. – Чаще всего именно так – Костя. При чужих людях я его называл по имени-отчеству, а чаще вообще никак не называл, мне не положено было возникать при посторонних, меня как бы и не было.

– Так сколько людей собирается жить в этих хоромах?

– Точно сказать не могу, но все шло к тому, что человек пять, может быть, семь.

– Нормально, – кивнул Пафнутьев, но Вохмянин уловил насмешку в его голосе.

– Знаете, поначалу меня это тоже сбивало с толку, я имею в виду размер дома. Но потом привык и согласился с Объячевым. Он – человек большой, ему нужен кабинет, нужна спальня. Жене тоже нужна спальня. Он может задержаться в городе, в своем кабинете засидеться с друзьями... Жена должна иметь возможность от всего этого отдохнуть.

– Разумно, – кивнул Пафнутьев.

– Каминный зал – место общего сбора, столовая – сами понимаете. Две-три комнаты нужно всегда иметь для гостей. Согласны?

– Вполне.

– Дальше... Домработница, секретарша, телохранитель...

Все должны иметь свой угол.

– Я смотрю, тесновато вам здесь было?

– Случалось – усмехнулся Вохмянин, скривив маленькие свои губки. – С кого начнем?

– С жены, мне кажется, будет уместнее.

– С чьей жены?

– Объячевской. К вашей заглянем попозже. Не возражаете?

– Послушайте, Павел Николаевич... Я правильно назвал ваше имя? Так вот, этот вопрос вы мне не задавайте. Никогда. Потому что я никогда не возражаю. Такая у меня здесь была роль. И я ее хорошо усвоил.

– Вы же сами говорите, что эта роль у вас была... Ее больше нет. Нравится это вам или не нравится.

– Понял, – кивнул Вохмянин. – Вот ее комната.

Пафнутьев подошел к двери, прислушался. Из комнаты доносились стоны, вскрики, хрипы, какие-то причитания. Он недоуменно посмотрел на Вохмянина.

– Кажется, там идет бурная жизнь?

– Порнуху крутит. Она как поддаст, всегда порнуху включает.

– Через два часа после убийства мужа?

– Она смотрела порнуху уже через полчаса после убийства.

– Вам точно известно, когда произошло убийство? – Пафнутьев удивленно посмотрел на своего сопровождающего.

– Ему стало плохо за столом. Он поднялся и сказал, что хочет прилечь. Через час я к нему заглянул. Он был уже мертв.

– Когда Объячев поднялся, все остались за столом?

– Да.

– Кто-нибудь отлучался?

– За этот час отлучались все. Кто-то пошел в туалет, кому-то вдруг приспичило позвонить, кто-то в подвал за бутылкой смотался... И так далее. Ваша задача усложняется, да?

– На то они и задачи, чтобы усложняться. – Пафнутьев снова прислушался, замерев у двери, – стоны, хрипы и бессвязные причитания продолжались. – Как быть? Вдруг некстати окажемся, вдруг она принимает непосредственное

участие в этих экранных игрищах? Так тоже бывает...

Вохмянин отодвинул Пафнутьева в сторону и несколько раз громко, вызываяще громко постучал. И, не ожидая ответа, приоткрыв дверь, просунул голову в комнату.

– Разрешите?

– Входи, Вася, – услышал Пафнутьев сипловатый голос и вошел в комнату вслед за Вохмяниным.

Комната была освещена слабо, только маленькое бра было включено – как раз над небольшим диванчиком, на котором сидела тощеватая женщина в халате. Основной свет шел от большого полыхающего экрана телевизора. Происходящие там события оказались куда круче, чем мог вообразить себе Пафнутьев по тем стонам и хрипам, которые доносились из-за двери. Он поспешно отвернулся от экрана, и женщина заметила это его движение. Не торопясь, она взяла пульт управления и, протянув руку в направлении экрана, выключила телевизор.

– Я вижу, вас несколько смущают эти забавные картинки, – сказала она с хмельной улыбкой.

– Ничуть! – весело ответил Пафнутьев. Его вдруг охватила легкость, он понял эту женщину, понял ее состояние, ее истеричный вызов.

– Снова включить? – спросила она, протянув руку к пульту.

– Чуть попозже, – сказал Пафнутьев. – Все-таки мы с Васей живые люди, да, Вася? – обратился он в Вохмянину,

который чувствовал себя куда растеряннее, нежели Пафнутьев. – Возьмем да и потеряем самообладание, да? Нам это запросто – впасть в неистовство, да, Вася?

– Этот товарищ – из милиции, – ответил Вохмянин на немой вопрос Объячевой.

– Из прокуратуры, – поправил Пафнутьев.

– Что же вас всех так взволновало, что вас растревожило? – спросила женщина.

– Ваш муж был заметной фигурой в городе. Мне кажется, это не простое преступление.

– Да? – удивилась женщина. – Надо же... Простите, как вас зовут?

– Павел Николаевич, с вашего позволения, Пафнутьев.

– Пафнутьев? Не слышала.

– А вас, простите?

– Зовите Маргаритой. Хотя по отчеству Анатольевна, но я не люблю свое отчество. Вы в самом деле не хотите, чтобы я включила телевизор? Это «Красная шапочка». Очень милый фильм, наивный такой, даже невинный... Выпить хотите? – она взяла со столика бутылку виски.

– С удовольствием! – неожиданно для себя сказал Пафнутьев, но, когда спохватился, было уже поздно – Маргарита протягивала ему стакан из толстого граненого стекла, на треть наполненный золотистым виски.

«Из дорогих, – заметил Пафнутьев. – Бутылка явно тянет на мою зарплату». Но стакан взял легко, уверенно, даже

охотно, чем несколько озадачил Маргариту – у нее, видимо, о работниках прокуратуры было другое представление.

– А ты, Вася? – спросил она у Вохмянина.

– Придется, наверно.

– Конечно, придется, – женщина оживилась – проводить эту ночь в полном одиночестве с бутылкой виски под стоны похотливых жеребиц и жеребцов было достаточно тягостно. – За упокой! – почти весело сказала она. – Царство небесное, мир праху, земля пухом... Ну и все, что полагается в таких случаях.

Пафнутьев выпил виски до дна, чем опять приятно удивил Маргариту, вернул стакан на столик, оглянулся, куда бы присесть.

– Садитесь, – женщина похлопала узкой ладошкой по диванчику рядом с собой.

– Не помешаю? – уточнил Пафнутьев.

– Наоборот, – словцо прозвучало странное, объяснить и понять его Пафнутьев сразу не смог, решив, в конце концов, что это было просто первое из подвернувшихся. Но, уже сев, он вдруг обнаружил, что полы халата мило так соскользнули с колен Маргариты и, похоже, кроме этого халата, на ней ничего не было. Она сидела, закинув ногу на ногу, и тощеватые ее коленки светились в полумраке несколько вызывающе. Но Вохмянин, похоже, привык к подобным зрелищам, и уходящая куда-то в глубь халата Маргаритина нагота нисколько его не трогала. – Закусывайте, – Маргарита придвинула по-

ближе к Пафнутьеву небольшое блюдо с подсухшими маслинами. – Вы любите с косточками или без? – спросила женщина, видимо намереваясь затеять светский разговор.

– Никогда об этом не думал, но, наверное, все-таки с косточками, – сказал Пафнутьев, неожиданно вспомнив, что Халандовский когда-то угощал его маслинами с косточками.

– Правильно, – одобрила Маргарита. – У вас прекрасный вкус.

– Во мне все прекрасно, – отчаянно сказал Пафнутьев, причем, вполне возможно, что это уже виски подало свой хмельной голос из глубин его организма.

– Похоже на то, – согласилась Маргарита.

– Видите ли, – Пафнутьев решил, что вежливое вступление пора заканчивать и надо переходить к делу. – Я сегодня у вас по довольно печальному поводу... Ваш муж, Объячев Константин Александрович, некоторое время назад... убит.

– Может, не будем сегодня о нем? – капризно спросила Маргарита. – Нельзя же постоянно думать, говорить об одном человеке!

– Но человека-то нет! – ошарашенно произнес Пафнутьев. – Убили бедолагу.

– Убить-то убили, – протянула Маргарита, опять наполняя свой стакан. – Да вот человека ли... А? Вам добавить?

– Чуть попозже, – привычно ответил Пафнутьев, чтобы не огорчать женщину резким отказом. Вроде и согласился, а вроде и отверг столь лестное в других обстоятельствах пред-

ложение.

– Как хотите, – и Маргарита одним глотком опорожнила четверть стакана.

– Видите ли, Маргарита, – Пафнутьев опять начал осторожно подбираться к причине своего появления в доме, – убит человек, ваш муж. Моя задача – найти убийцу.

– Найти убийцу? – удивилась Маргарита. – И все?! И в этом вся ваша проблема! Вася! – обернулась она к Вохмянину. – Поможем человеку, найдем ему убийцу, а?

– Отчего же, можно.

– Я гожусь? – спросила Маргарита, чем повергла Пафнутьева в полное оцепенение.

– Вы хотите сказать, что сами убили своего мужа?

– Упаси боже! Как вы могли подумать такое! Я просто предложила себя на роль убийцы. Чтобы в эту ночь мы все чувствовали себя свободными, раскрепощенными...

– Но вы его не убивали?

– Костю? Нет. Сегодня я его не убивала.

– А раньше?

– Раньше убивала. Каждый день с утра до вечера. А он убивал меня. Мне кажется, только этим мы и занимались в жизни. А, Вася?

– Вполне возможно, – Вохмянин неизменно вел свою линию – со всем соглашался, ничего не отрицал, но и ничего не подтверждал. Видимо, Маргарита иного от него не ожидала, поскольку ни разу не переспросила, не потребовала бо-

лее ясного отношения к своим словам.

– Маргарита, – Пафнутьев снова попытался вернуть разговор на нужное направление. Он уже почти не надеялся на успех и потому спросил напрямую: – Маргарита, как вы думаете, кто мог убить вашего мужа?

– Костю? Да кто угодно. Вася, ты бы мог убить Костю?

– Отчего же... Если бы стояла такая задача...

– И знал бы за что, да? – Маргарита проявила вдруг неожиданную цепкость мысли.

– Нашел бы, – усмехнулся Вохмянин маленьким своим, почти женским ртом.

– А что, долго пришлось бы искать причину?

– Да нет... Она всегда под рукой.

– Но это не ты его убил? – продолжала терзать телохранителя Маргарита.

– Нет, не я.

– И жалеешь об этом?

– Не то чтобы жалею, – опять начал юлить Вохмянин, но Маргарита выручила его, перебила жестко и резко:

– А я жалею.

– О чем? – у Пафнутьева, кажется, голова пошла кругом.

– Что не я убила его на этот раз.

– Объячева и раньше убивали?

– Вася, сколько на него было покушений?

– Не то три, не то четыре... Я участвовал в двух.

– В покушениях? – в голосе Пафнутьева явно прозвучала

беспомощность.

– Нет, в предотвращении покушений. Я же телохранитель, а не киллер.

– И за что вам хотелось убить Объячева? – спросил Пафнутьев у Вохмянина.

– Разве я в этом уже признался? – он широко открыл маленькие свои глазки и посмотрел на Пафнутьева с явным торжеством. – Нет. Я просто беседую с женщиной, которая потрясена смертью любимого мужа, держится из последних сил и старается хоть как-то ответить на ваши вопросы. Да, чтобы выжить в эту страшную ночь, она выпила виски, может быть, сделала лишний глоток или два... И когда завтра вы скажете ей об ее же словах, она их не вспомнит.

– Наверняка не вспомню, – Маргарита смотрела на Пафнутьева насмешливо и совершенно трезво.

– Ну вы даете, ребята! – растерялся Пафнутьев. – Так много знать о жизни в этом доме, так легко и свободно говорить обо всем... Может быть, вы просто назовете имя убийцы?

– Ищущий да обрящет, – нараспев протянула Маргарита библейские слова и потянулась к бутылке. Почти не глядя, она плеснула виски во все три стакана и, оставив бутылку, повернулась к Пафнутьеву с широкой радушной улыбкой. Зубы у нее были свои, хорошие зубы, правильной формы, но великоваты. Какая-то легкая, едва уловимая хищноватость проглядывала в Маргаритиной улыбке. – Выпьем? – спросила она. – За ваш успех! Или слабо?

– Нет, не слабо, – сказал Пафнутьев. – Простите, в доме труп... Чокаться вроде неловко.

– Не будем! – азартно произнесла женщина и опять одним большим глотком опрокинула виски в себя.

Вохмянин выпил медленно, как бы отцеживая зубами посторонние примеси. А встретившись взглядом с Пафнутьевым, моргнул в сторону двери: дескать, уходим, больше мы здесь ничего не добьемся – баба пьяная и вот-вот отключится.

– Спасибо за угощение, – церемонно произнес Пафнутьев, поднимаясь с диванчика. – Было очень приятно познакомиться с вами. Надеюсь, мы еще встретимся, причем в самое ближайшее время.

– Не возражаю, – сказала Маргарита, протягивая руку к пульта управления.

– До скорой встречи! – сказал Пафнутьев на прощание и, не успев дойти до двери, снова услышал стенания, стоны и вскрики – Маргарита вернулась к «Красной шапочке».

Оглянувшись, Пафнутьев в последний момент, перед тем как закрыть дверь, увидел, как по лицу Маргариты несутся красноватые сполохи соблазнительно-запретных картин. Глаза женщины горели, рот был полуоткрыт, а рука снова тянулась к прекрасному виски, вкус которого Пафнутьев до сих пор чувствовал на губах.

– Вопросы есть? – спросил Вохмянин, когда они остались вдвоем.

– Одни ответы!

– Тогда идем к секретарше. Света ее зовут, Светлана Юшкова.

– Что пьет Светлана Юшкова?

– Красное сухое. Предпочитает грузинское.

– Она мне начинает нравиться, – сказал Пафнутьев.

– Она всем нравится. И вы, Павел Николаевич, тоже ей понравитесь.

– Вы в этом уверены?

– Не сомневайтесь.

– Чем же я ей понравлюсь?

– Самим фактом своего существования.

– Неужели бывают такие люди?

– Не знаю, как в других местах, но в этом доме такое существо завелось. И до сих пор прекрасно себя чувствовало.

– Смерть Объячева потрясла хотя бы ее?

– Потрясение настигло ее несколько раньше, еще при жизни хозяина.

– Почему?

– Костя сказал ей открытым текстом, что мир и согласие в доме для него важнее, нежели любовь красотки, какой бы обалденной она ни была. Светка должна была уйти отсюда – это был вопрос времени, одной или двух недель.

– Вы сказали, что она нравится всем... Маргарите в том числе?

– Нет. Маргарите она не нравится. Маргарите нравлюсь я.

– Чем?

– Вы же сказали, что у вас полная голова ответов! – рас- смеялся Вохмянин.

– Виноват, – Пафнутьев прижал руку к груди. – Скажите, Вася... А какой ваш любимый напиток?

– Водка. Но хорошая.

Пафнутьев с чувством пожал руку Вохмянину, и тот пре- красно его понял – хоть одна родная душа нашлась на весь дом.

– И еще, Вася... Вы кого-нибудь подозреваете?

– Всех.

– Никого не исключая?

– Ни единого. Не знаю, насколько это убедительно, но... Я был нанят телохранителем. И со своей задачей не справился. Мой хозяин убит. Это плевок мне в лицо. Я должен найти убийцу. И я его найду. Вместе с вами или без вас.

Пафнутьев всмотрелся в крупное лицо Вохмянина, на ко- тором почти игрушечными казались маленькие сочные губ- ки, всмотрелся в утонувшие под тяжелым лбом тоже неболь- шие глазки, редкие светлые бровки. Пафнутьев хотел бы ве- рить Вохмянину, тот нашел слова и произнес их хорошо, сильно произнес...

Но Пафнутьев тоже никого не исключал, тоже подозревал всех – вести себя иначе он просто не имел права. А что каса- ется самого телохранителя, то у него была очень веская при- чина не любить своего хозяина, у него были основания даже

для ненависти. Те немногие полупрозрачные намеки, которыми поделился Вохмянин об отношениях его жены с Объячевым, убеждали – сбрасывать его со счетов, освобождать от подозрений нельзя.

И еще...

Слушая Вохмянина, Пафнутьев все тверже убеждался, что перед ним человек – сильный, страстный, человек, не прощающий обид и не желающий ни от кого прощений. Он поступит так, как считает нужным, и ничто его не остановит – ни страх наказания, ни чье-либо мнение, ни риск быть разоблаченным. Вохмянин через многое прошел и, похоже, через многое готов пройти. У него есть своя система ценностей, она наверняка не во всем совпадает с правовой, но он от нее не отступит.

– Вы единственный телохранитель у Объячева?

– Нет. Нас пятеро. Но в этом доме я один. Другие – для конторы, для машины, для встреч и поездок... Конечно, я чувствовал напряжение в доме, который был постоянно. Иногда он ослабевал, иногда сгущался так, что все часами сидели, запершись по своим комнатам. Но чтобы до такой степени... Этого я не предполагал. Или возникли какие-то обстоятельства, мне неизвестные, или у кого-то кончились силы.

– Или нашлись силы?

– Это одно и то же, – Вохмянин махнул тяжелой красноватой ладонью. – Когда кончаются силы вести себя подобающим образом... Человек становится способным на многое.

На убийство в том числе.

«Ни фиги себе, – изумленно подумал Пафнутьев. – Этот человек далеко не дурак, похоже, он всех обитателей дома видит насквозь. Если, конечно, сейчас говорил не о самом себе. Уж больно тонкие выводы делает о человеческой натуре, для телохранителя слишком уж тонкие. О себе, ох о себе говорил Вохмянин столь прочувствованные слова».

* * *

Войти к Юшковой Пафнутьев не успел – едва Вохмянин подвел его к двери, едва вознамерился постучать, Пафнутьева окликнул Андрей:

– Павел Николаевич! Есть разговор.

Пафнутьев посмотрел на Андрея, торопливо поднимающегося по винтовой лестнице.

– Я позже сам зайду к ней, – сказал он Вохмянину. – Где я вас найду?

– Внизу. В каминном зале.

– Договорились. – И Пафнутьев пошел навстречу Андрею. – Есть что-то новенькое?

– Докладываю обстановку... Шаланда уехал. Опера своего оставил, а сам слинял. Обещал прислать команду – вдвоем обыскать этот дом невозможно.

– Похоже на то.

– Еще, говорит, пришлю машину за трупом.

– Тоже разумно.

– Внизу, в подвале, вас дожидаются двое строителей. С Украины ребята. Отделочники. Перепуганные и несчастные.

– Так любили Объячева?

– Он, оказывается, не платил им уже год. Договорились, что рассчитается, когда полностью сделают свою работу. Через месяц собирались закончить. А он возьми да и помри. Они просто в ужасе, Павел Николаевич.

– Я тоже, – сказал Пафнутьев.

– С женой говорили?

– Да. Порнуху смотрит. «Красная шапочка» называется.

– Вместе смотрели?

– Недолго. Я потерял самообладание и позорно бежал.

– Тут у Объячева, оказывается, гость – партнер по бизнесу Вьюев. Пытался бежать.

– Удачно?

– Я настиг его уже за воротами. Пер мужик по колено в грязи, будто за ним дикие звери гнались.

– Это были не дикие звери, это был ты, Андрюша? – улыбнулся Пафнутьев.

– Совершенно верно. У третьего дома настиг. Он так несся, будто жизнь спасал. При нем был чемоданчик с документами. Отдавать не хотел ни в какую. Но я, с вашего позволения, этот чемоданчик все-таки изъяс. Он заперт, но, при надобности, мы его вскроем, все эти цифровые замочки...

– Правильно, Андрей. Всех впускать, никого не выпус-

кать.

– Тут есть у них молодуха, кстати, жена телохранителя. Так вот, с ее помощью я запер все двери, какие только нашел. Она у них не то домработница, не то домоправительница... Крутая тетенька. Надо бы вам с ней потолковать.

– Дойдет очередь. Меня тут уже дожидается одна... Говорят, невероятной красоты женщина.

– Слышал. Будьте осторожны. Девушка не всегда отвечает за себя.

– Настолько опасная?

– Любвеобильная.

– Разберемся... А вот и Худолей! – по лестнице осторожно, словно боясь испугнуть кого-то, пробирался эксперт. Увидев Пафнутьева, он бросился к нему с такой радостью, будто уже и не надеялся увидеть живым.

– Паша! – вскрикнул Худолей. – Паша... – но, увидев Андрея, посерьезнел и, взяв Пафнутьева под руку, повел в сторону.

– Увидимся в каминном зале! – успел крикнуть Пафнутьев Андрею. Тот кивнул и направился к винтовой лестнице. – Слушаю тебя, Худолей.

– Паша... Я сейчас тебе такое скажу, такое скажу, что ты прямо вот здесь упадешь и не встанешь.

– Тогда не надо.

– Нет, я все-таки скажу, может быть, ты выдержишь, может быть, встанешь после того, как упадешь. Я только что

был в подвале.

– Андрей тоже был в подвале. Вы там не встретились?

– А! – Худолей досадливо махнул полупрозрачной своей ладошкой. – Он с хохлами трепался, а я делом занимался. Я там такое увидел, Паша! – Худолей прижал к груди обе ладошки и прикрыл глаза. – Скажу откровенно... Все мои представления о жизни, о людях, все мои представления о самом себе... рухнули. Только сейчас я понял, как убого, беспросветно мое существование, какими недостойными путями я шел по жизни...

– И что же ты такое увидел? – сочувственно спросил Пафнутьев.

– Я содрогнулся, Паша. Я в шоке. И не отвечаю ни за свои слова, ни за свои поступки.

– Может быть, нам вместе спуститься в подвал? – предложил Пафнутьев.

– Подвергнуть тебя такому испытанию... Только, Паша, если ты сам этого хочешь. Только если ты сам принимаешь такое решение. Ну как, готов?

– Пошли, – сказал Пафнутьев и направился к винтовой лестнице, втиснутой в круглую кирпичную башню.

– Нет, Паша, нет! – ухватил Пафнутьева за рукав Худолей, потащил его в противоположную сторону – по темному длинному коридору, в глубине которого тускло светилась маленькая лампочка. – Осторожно, здесь ведра, швабры...

Коридор заканчивался узкой дверью. Открыв ее, Худолей

бесстрашно шагнул через порог – он уже, видимо, здесь все обходил, исследовал, изучил.

– Ну, ты даешь! – пробормотал Пафнутьев.

– Эта лестница ведет напрямиком в подвал. На нее можно выйти с каждого этажа. Видишь двери? Если вдруг какая надобность приспичит – милиция окружит, бандюги начнут обстрел, натовцы десант сбросят... Ты сразу в подвал. И огородами, огородами – только тебя и видели.

Чем ниже опускался Худолей, тем он становился нервнее, чаще оглядывался на Пафнутьева, словно хотел убедиться, что тот не сбежал, не бросил его в этом опасном путешествии.

– Только, Паша, ты это... Не делай сразу поспешных выводов... Не торопись с выводами. Осмотрись, успокойся, присядь на что-нибудь... А уж потом слова произноси. Там не каждые слова годятся, там, Паша, с выбором надо, осторожно, продуманно. Десять раз мысленно словечко про себя проговори, а уж потом вслух, для других ушей.

– Что там? – не выдержал Пафнутьев. – Трупы?

– Да ну, трупы! – Худолей пренебрежительно махнул ручонкой. – Стал бы я тебе трупы показывать... Что ты, трупов никогда не видел? Видел. И еще будешь видеть. Жизнь у тебя такая, Паша, не каждый выдержит, не каждому по силам... И кто бы оценил, кто бы поддержал душевным словом... Грамоту какую дал, медаль за отвагу... Нет!

Худолей продолжал бормотать, было такое впечатление,

что он попросту боится замолчать, боится тишины, которая с каждым этажом вниз становилась все более давящей какой-то, все более глухой. Когда они сошли с последней ступеньки, Пафнутьев ощутил под ногами плотный бетон: понял, что они в подвале. Вокруг была такая темнота, что только судорожно вцепившаяся в его рукав ладошка Худолея говорила о том, что он здесь не один.

– Я рядом, Паша, – шептал Худолей. – Я с тобой, не бойся.

– Да я вроде того, что ничего...

– Здесь есть выключатель, сейчас найду, – ладошка Худолея разжалась, и Пафнутьев остался один в этой невероятной темноте.

Шаркающей походкой, чтобы ни обо что не споткнуться, Худолей двинулся куда-то вправо, но слева, слева Пафнутьев явственно услышал какой-то шорох, ритмичный шорох, отдаленно напоминающий человеческие шаги, падающие капли воды, раскачивающийся на веревке груз.

– Нашел! – обрадованно произнес Худолей, и в тот же миг подвал осветился тусклым светом. Но после крошечной темноты свет от сорокаваттной лампочки казался сильным. – Видишь? – свистящим шепотом спросил Худолей. – Видишь?!

– Что? – недоуменно произнес Пафнутьев, который ожидал чего угодно, вплоть до человеческих голов, насаженных на железные штыри. На самом деле все оказалось проще и безобиднее. – Подвал просторный, можно ставить бильярд-

ный стол, теннисный...

– Бильярд у него наверху. Полный, между прочим. А теннисный стол – в спортивном зале.

– Здесь есть спортивный зал?

– Не о том говоришь, Паша! Не туда смотришь! Не так ты живешь, ох не так! – и Худолей, снова ухватив Пафнутьева за рукав цепкой своей ладошкой, поволок в дальний угол. – Видишь?! – прошептал он чуть слышно, издали указав обоженным растворами пальцем на коробки, сложенные в углу.

– Ну?

Худолей посмотрел на Пафнутьева с такой жалостливостью, с таким бесконечным сочувствием, будто тот осрамился в его глазах во всем и навсегда.

– Паша, – Худолей приблизился к коробкам, вздрагивающей рукой коснулся одной из них и произнес каким-то смазанным, надломленным голосом. – Паша, это «Смирновская»... Наша «Смирновская»... А вот ихняя «Смирновская»... Наша, конечно, лучше, но главное – есть и та, и другая... Представляешь? – Худолей вынул платок из кармана и вытер выступившую на лбу влагу. – А вон в той коробке, Паша... Там виски. Квадратные бутылки, золоченые пробки, черные этикетки, а емкость... Ты не поверишь! Они все литровые. В этих двух коробках тоже виски, но бутылки треугольные. Мне, Паша, треугольные больше нравятся. И вовсе не потому, что виски в них мягче, душистее, душевнее как-

то... Вовсе нет – треугольная бутылка лучше в руку ложится... Она уже не выскользнет из ослабевших пальцев, она как бы роднится с тобой... И не подведет тебя, Паша, даже если пальцы твои увлажнятся от волнения и сладостного предчувствия... Тебя, Паша, посещают предчувствия?

– Особенно сладостные, – сказал Пафнутьев и не посмел, не решился разрушить возвышенное состояние худолеевской души.

– И меня посещают, – грустно кивнул Худолей. – Смотрю я, Паша, на все это богатство, на всю эту безудержную роскошь, – он кивнул в сторону коробок, – и думаю... Знаешь, о чем я думаю?

– О стакане.

– Нет, Паша, ты груб и ограничен. Святое тебе недоступно. Я думаю о своей загубленной жизни, Паша. И понимаю, только сейчас понимаю – она прошла мимо.

– Кто? – спросил Пафнутьев, отвлекшись от худолеевских рассуждений.

– Жизнь, Паша. Я о жизни говорю.

– Я смотрю, ты времени зря не терял, провел большую работу и вот-вот выйдешь на след преступника.

– А что на него выходить... Они все здесь перед тобой.

– Нужен один.

– Выберем, Паша. Есть из чего выбирать.

– А что вон в тех коробках? – Пафнутьев показал в другой угол подвала.

– Скажу... Только ты упрись во что-нибудь, чтобы не упасть... Прислонись к стене, вот так... В тех коробках, Паша... Мукузани, Оджелеси, Киндзмараули... Продолжать?

– Света любит грузинские красные.

– Ты тоже, я смотрю, времени зря не терял?

– Секретаршу еще не видел, только собираюсь представиться. Но о ее вкусах наслышан. Жена Объячева Маргарита тебе понравится больше.

– Это почему же?

– Предпочитает крепкие напитки.

– Значит, хорошая женщина, – уважительно сказал Худoley. – Нет, она не могла убить своего мужа. Это сделал кто-то другой. Скорее всего непьющий. Бойся непьющих, Паша, от них вся зараза в мире. Если пьющий и пойдет на что-нибудь предосудительное... То только в состоянии сильного алкогольного опьянения.

– А ты ничего предосудительного здесь не совершил?

– Совершил, Паша. Совершил, – горестно кивнул Худoley. – Я это... Позаимствовал у хозяина... Одну – четырехугольную, а вторую – трехугольную. Он не возражал.

– Он не будет возражать, даже если ты у него этот дом позаимствуешь.

– Значит, тоже хороший человек. Был.

– Тише! – сказал Пафнутьев и замер, прислушиваясь. Ему опять почудились какие-то звуки. Здесь, в подвале, в полной тишине, они казались странными – для них не было никакой

причины, не было ничего, что могло бы эти звуки издавать. — Показалось, — наконец произнес Пафнутьев.

— Хозяин — ладно, он терпит, ему все это скорее всего уже не понадобится, — Худолей махнул рукой в сторону коробок. — А ты, Паша, не возражаешь против моего безрассудства?

— Ты забыл прихватить «Смирновскую», — сказал Пафнутьев сурово и осуждающе.

— Паша! — вскричал Худолей. — Как ты прав, как ты прав! И знаешь, я хочу подсказать тебе очень дельную вещь... Ты будешь меня благодарить долго и, можно сказать, исступленно.

— Слушаю внимательно.

— Не торопись, Паша, со следствием, не торопись разоблачать злодея, а? И ему приятно будет, злодею, что он так долго ходит неразоблаченным, и нам приятно. Ты должен, Паша, не просто разоблачить нехорошего человека, тебе необходимо вскрыть всю подоплеку происшедшего, дать социальную оценку убийству, провести не только разъяснительную работу с жильцами этого дома, но и воспитательную. Да, на это уйдет неделя, вторая, третья... А ты все равно не торопись. Здесь столько всего, столько всего, что твою поспешность никто не поймет. А некоторые могут даже осудить. И сурово, Паша, потому что дружеский суд — справедливый, но суровый. Ты понял меня, Паша?

— Думаешь, тебе здесь на две недели хватит?

– Дольше! Гораздо дольше, Паша! Убийство такого человека наверняка получит огласку, люди уже взбудоражены. И если ты опрометчиво и бездумно раскроешь преступление за два дня... Общественность будет огорчена и разочарована в тебе, Паша.

– И ты тоже разочаруешься во мне? – механически спросил Пафнутьев, продолжая прислушиваться к невнятным звукам где-то совсем рядом, в этом самом подвале.

– С меня все и начнется, Паша. И я говорю об этом со всей присущей мне прямотой. И откровенностью.

– Это хорошо, – ответил Пафнутьев, не слыша слов Худолея. Он уже не мог откликаться на куражливое настроение эксперта, и тот сразу это понял, примолк, отошел в сторонку, не забыв все-таки, не забыв сунуть в служебную свою сумку бутылку «Смирновской» водки. Начальство велело – надо выполнять. А проделав это, сразу стал деловым, сосредоточенным. Дескать, какие бы неожиданности ни подстерегали нас в этом доме, какие бы опасности ни грозили, какие бы соблазны ни тревожили и ни терзали – мы все равно остаемся на посту и дело свое сделаем.

Еще раз обойдя подвал, убедившись, что, кроме залежей виски, паркета, кафельной плитки, лыж и велосипедов, здесь ничего нет, Пафнутьев и Худолей поднялись наверх. Правда, Пафнутьев подзадержался, прислушался, замерев на первой ступеньке лестницы. Но нет, ни звука.

– Ну и не надо, – пробормотал он.

Направляясь к секретарше Объячева, Пафнутьев уже представлял ее себе. Это наверняка будет красивенькая, пухленькая девочка с распущенными волосами и заплаканными глазами. И почти не ошибся. Волосы действительно были всклокочены, но короткие, так что распущенными их назвать никак нельзя было. Глаза тоже оказались хотя и не заплаканными, но красными, — видно, совсем недавно девушка рыдала в подушку, которая лежала в самом углу раскладного дивана.

И еще заметил глазастый Пафнутьев – диван раскладной, но для девушки явно великоват, двуспальным оказался диван, и, видимо, для этого были основания. Впрочем, что гадать – ясно, какие могут быть причины для подобных странностей.

Увидев входящего Пафнутьева, девушка вскочила, сделала несколько шагов навстречу, но тут же остановилась, осознав, что вошел совершенно незнакомый человек. Она была в сверкающем спортивном костюме лазурно-зеленого цвета. Наряд мало подходил к событиям, которые разыгрались в доме, но юное создание, похоже, еще не привыкло осознавать подобные вещи.

– Здравствуйте, – сказал Пафнутьев, тоже делая шаг навстречу.

– Здравствуйте.

– Я уже все про вас знаю. Вас зовут Света, фамилия – Юшкова, вы первая красавица не только этого дома, но и всех

окрестных лесов. Это правда?

– Правда, – кивнула Юшкова. – А вы, наверное, приехали, чтобы задержать убийцу?

– Хотелось бы, – честно признался Пафнутьев.

– Какой кошмар, какой кошмар! – не в силах сдержаться, Юшкова почти упала на грудь Пафнутьеву и забилась в рыданиях. И ему ничего не оставалось, как обнять ее за плечи, прижать к своей груди девичью головку, погладить по волосам. Кто-то заглянул в дверь. Оглянувшись, Пафнутьев увидел понимающую ухмылку Вохмянина. Кивнув головой, он велел ему убираться: не нужны ему были свидетели в столь трепетный момент. – Когда я увидела дыру в его голове... Дыру, в которую мог протиснуться мой кулак... Как я рыдала, господи... Я чуть не упала там же, рядом, в лужу крови...

Как ни был потрясен Пафнутьев необычным поведением девушки, но его заскорузлость, отвратная, скукоженная натура проявила себя в полной мере, и в этот священный миг, когда на его груди рыдала самая красивая женщина из всех, которых ему довелось увидеть в своей паскудной жизни, не смог он удержаться от мысли, подлой и недоверчивой, – а лужи-то не было... Не зря Худолей все время причитал, что крови мало... Кровь была только на подушке... Но ведь не в кровать же рядом с трупом готова была упасть Светочка Юшкова...

И в то же время чаще обычного билось его истерзанное следовательское сердце, сознавал он, сознавал – от красави-

цы исходит такая нестерпимая вибрация, что все гены бедного Пафнутьева содрогнулись и расположились в каком-то совершенно невероятном порядке.

«О, эта подлая профессия», – мысленно простонал Пафнутьев, глядя короткие светлые волосы красавицы, от которых шел тревожный запах полыни и еще каких-то душистых и сумасшедших трав – этот запах он помнил, оказывается, много лет, с тех пор, как далеким летом довелось провести ему месяц на Арабатской стрелке под знойным бездонным небом, на хрустящем ракушечнике, у зеленого Азовского моря...

Оказывается, помнил, помнил хмырюга старый.

И при этом в мыслях, о подлая работа! При этом в мыслях он ерничал и усмехался наивным и беспомощным словам девчушки, удары сердца которой чувствовал собственной грудью, и грудь ее тоже чувствовал. «Надо же, как удачно она расположилась на мне», – мелькнула мыслишка настолько гадкая и мелкая, что Пафнутьев ужаснулся своему падению и устыдился, устыдился.

Девушка неожиданно резко отстранилась от него и, не убирая рук с плеч, в упор посмотрела на Пафнутьева заплаканными глазами.

– Обещайте мне... Вы возьмете убийцу!

– Конечно, обещаю, – Пафнутьев с трудом покинул раскаленный на солнце ракушечник Арабатской стрелки, со стоном бросил последний взгляд на медленные, зеленые волны

Азовского моря и вернулся в этот, уже опостылевший ему, недостроенный объязчевский замок. – Я с удовольствием задержу его, – сказал он несколько бестолково, но тут же исправился, задав вопрос и своевременный, и важный: – Но кто он?

– Не знаю. – Света отошла от Пафнутьева и присела на свой громадный диван. – Не знаю.

– А его жена... Что это за человек?

– Стерва.

– В каком смысле?

– Во всех. Откуда на нее ни глянь, куда в нее ни загляни – одна сплошная стерва.

– Сурово вы о ней...

– Если бы вы знали, если бы вы знали, как Костя ее ненавидел, как она его ненавидела! – Света вскочила с дивана, подбежала к Пафнутьеву и опять замерла у него на груди, – видимо, была у нее такая привычка.

«Если не отработанный прием, – подумал Пафнутьев и снова устыдился. – Да, Паша, привык ты общаться с людьми, у которых другие манеры, осторожные, расчетливые и сухие. И вот столкнулся с другим человеком, и все в тебе топорщится от подозрительности и опаски. А чего ты, Паша, опасешься? Скажи, наконец, сам себе – чего ты опасешься? Что может сделать с тобой этот ребенок, искренний и наивный, доверчивый и несчастный? Стыдно, Паша, стыдно».

– А за что она его ненавидела? За что он ее ненавидел?

– О! – Света уронила руки вдоль тела и отошла к окну. – Костя вкладывал в этот дом все свои силы, время, деньги, наконец. Он с рабочими клал кирпичи, вывозил мусор, с архитекторами составлял проект. А сколько сил стоило протянуть электричество, водопровод, канализацию, телефон...

– Да, это большая работа, – сочувственно произнес Пафнутьев. – И, наверное, стоит больших денег.

– А, деньги! – махнула Света красивой ладошкой. – Стоит ли говорить о деньгах, если уже нет человека!

– Да, действительно, – рассудительно произнес Пафнутьев. – Жизнь человеческая – это мерило всех ценностей на земле.

Эти слова он слышал совсем недавно по телевизору, и надо же, подвернулись в удобный момент. Сначала Пафнутьев спохватился – было в них что-то выпреннее, фальшивое, но Света восприняла их всерьез и даже уронила слезинку в высокий ворс красноватого ковра.

– Когда дом был почти готов, Маргарита заявила Косте, что это их совместно нажитое имущество, представляете?! Выкопала где-то эти юридические слова и выдала их в удобный момент. Совместно нажитое имущество! И потому она, как его законная жена, имеет полное право на часть дома. Я, говорит, отсужу у тебя половину этого сооружения, она дом называет сооружением, но жить, говорит, в нем не буду ни одного дня. Я, говорит, свою половину заселю всеми народностями Кавказа, какие только удастся найти. Я, говорит,

устрою здесь маленький такой, симпатичненький Кавказ. И все мои жильцы будут воевать друг с другом не слабее, чем на настоящем Кавказе. Будет, говорит, у тебя здесь и своя Чечня, и Осетия будет, и Абхазия тоже состоится... А ты, говорит, живи в своей половине, как в большой России, и радуйся. Живи и радуйся. И трупы у тебя здесь будут, и взрывы, и простые убийства, и заказные... Все будет.

– Значит, о трупах в этом доме уже была речь?

– Да. И слова эти произнесла Маргарита.

– А он? Константин Александрович? Что он ответил на эти угрозы?

– Что он ответит... Человек добрый, увлеченный делом, весь в хлопотах, заботах... А она, знай, виски хлещет с утра до вечера и с вечера до утра.

– Вы ее не очень любите?

– Взаимно, – Света улыбнулась беспомощно и, уже как бы по привычке, подошла к Пафнутьеву и положила ему на плечо свою очаровательную головку. И хотя опять дохнуло на Пафнутьева запахами разогретой на солнце полыни, счастливые картины Арабатской стрелки на этот раз не посетили его, не посетили. Осторожно, чтобы не оскорбить тонких чувств красавицы, он отстранил ее от себя, подвел к дивану и усадил, поторопившись отойти на несколько шагов.

– А как у вас последнее время с Константином Александровичем? – каждый раз Пафнутьев произносил имя Объячева с трудом, как бы медленно пробираясь по ступенькам

и опасаясь сбиться, – неудобное имя было у бизнесмена, церемонное какое-то.

– С Костей? – переспросила Света. – Что сказать... Не я – так другие доложат... Плохо.

– Вы поссорились?

– Он собирался купить мне какую-то комнатенку и высе-
лить туда. С потрохами, – неожиданно добавила Света. И Па-
фнутьев сразу, в доли секунды, увидел ее другими глазами.
Все так же пахла полынь, и Светины глаза мерцали тревожно
и даже зовуще, но сам зов угас и затих среди других звуков
– кухонных, будничных, суетных. Напрасно она упомянула
потроха, ох напрасно.

– Купил комнатенку-то?

– Купил, – без выражения ответила Света. – Там, соб-
ственно, квартира... С удобствами, и место неплохое, почти
в центре... Но комната одна.

– Может быть, это не самый плохой вариант... Ведь здесь-
то вам в любом случае не жить.

– Почему? – спросила Света таким простым, ясным голо-
сом, будто и в самом деле ее удивили слова Пафнутьева.

– С Маргаритой вам трудно будет ужиться.

– А зачем нам с ней уживаться. – Света легонько так, по-
чти незаметно, повела плечом, и это невольное ее движе-
ние сказало Пафнутьеву о красавице куда больше, чем все,
что она произнесла до этого. Легкое, почти неуловимое дви-
жение плеча в свободной искрящейся спортивной куртке. –

Вначале у нас с ней складывались отношения... Неплохо все шло. Костя даже собирался переписать дом на мое имя... Но когда начались кавказские угрозы, чеченские предупреждения...

– А почему они начались? С какого момента?

– Мы с Костей как-то выехали за рубеж... Там, конечно, фотографировались. Снимки Маргарите не показывали, но кто-то послал ей фотку, доложил. С того момента все и началось.

– А в качестве кого вы ездили с Объячевым?

– Секретарша. – Света сделала еще одну ошибку – она улыбнулась вопросу Пафнутьева, но улыбнулась как бы жалючи его за непонятливость. Пафнутьев не любил таких улыбок. Не то чтобы они повергали его в гнев, ничуть, просто не нравились. Он сразу делался улыбчивым и бесконечно добродушным, однако Худолей, который хорошо знал Пафнутьева, в таких случаях старался побыстрее улизнуть из кабинета от греха подальше, на всякий случай. – Референт, помощник, делопроизводитель, – продолжала перечислять свои обязанности Света все с той же снисходительной улыбкой.

– А что... Снимок был слишком уж смелый, откровенный?

– Да нет... Обычный пляжный снимок.

– Куда вы ездили с Объячевым?

– Канары.

– Он вел там деловые переговоры?

– Вроде того, – глаза Светы просохли неожиданно быстро, и она смотрела на Пафнутьева незамутненным взглядом, каким, наверное, смотрела в свое время на канарских официантов.

– Говорят, Маргарита часто пьет?

– Почему часто? Она просто не прекращает пить.

– Мне кто-то сказал, что вы любите красные грузинские вина?

– Люблю. У меня и сейчас где-то здесь пара бутылок завалялась... Хотите выпить?

– Чуть попозже. А что пьет Маргарита?

– Сивуху. Виски.

– А что пил Объячев?

– Все. Он пил все и с большим удовольствием.

– А что он пил в прошлый вечер?

– Вчера? Сейчас скажу, – Света сморщила очаровательный свой лобик, не привыкший к тяжким размышлениям о чем бы то ни было. – Вспомнила – водку. Потом выпил виски – он последнее время подстраивался к Маргарите, понравиться хотел, за рубеж уговаривал ехать.

– Куда?

– Канары. Он любил Канары.

– Кто мог его убить?

– Понятия не имею.

– Маргарита могла?

– Запросто! – ответила Света, не задумываясь.

Пафнутьев понял ее невинную уловку – если бы Юшкова задумалась, поколебалась и сказала то же самое, но неуверенно, что-то преодолевая в себе, она взяла бы на себя ответственность, ее ответ был бы осмысленным. Бросив же словечко «запросто» легко и бездумно, как бы продолжая рассказ о Канарах, красном вине и подосланном снимке, она ничего не сказала, уклонилась, но подозрение бросила или, во всяком случае, подтвердила. И Пафнутьев сделал вывод – непростая это девчонка, умненькая. Она вполне могла быть надежным помощником у такого человека, как Объячев, и, без сомнения, справлялась со своими обязанностями не только на этом диване.

– Маргарита ездила за рубеж?

– Да, Костя как-то отправлял ее с подругой в круиз по Нилу.

– А вы оставались здесь?

– Меня он на это время отправил к маме. Решил, что мне пора проведать маму. Он очень беспокоился о моей маме.

– Да-а-а? – удивился Пафнутьев, представив, сколько было сцен, слез и скандалов, когда Объячев отправлял Свету к маме. – Кто же ухаживал за ним? Кто готовил пищу, укладывал в постель? – последние слова были явно провокационными, и, будь Юшкова постарше, поопытнее или хотя бы менее взволнована в эти минуты, она разгадала бы ловушку. Но сейчас она просто свалилась в капкан, который подготовил ей Пафнутьев.

– Пока я общалась с мамой, а его жена путешествовала по Нилу, ухаживала за Костей, готовила пищу и укладывала в постель некая гражданка по фамилии Вохмянина. Екатерина Андреевна Вохмянина.

– Это... жена телохранителя?

– Она самая.

– Вохмянина тоже была на вашем последнем ужине?

– Была.

– Скажите, Света... А Екатерина Андреевна не могла это совершить?

– Вы имеете в виду убийство? – Юшкова, кажется, решила преподать Пафнутьеву урок разговора твердого и жесткого. Он только усмехнулся про себя ее самоуверенности.

– Да, я имею в виду убийство. – Пафнутьев подумал, что вначале он недооценил эту красавицу. Без сомнения, она – человек сильный и целеустремленный, а эти ее припадания к мужскому плечу... Что ж, далеко не самый плохой прием, свежий, неожиданный, результативный. Пафнутьев мог себе представить, как содрогнулся Объячев, когда Юшкова впервые положила свою головку на его плечо, ища успокоения и защиты. Объячев наверняка оказался не столь сухим и заскорузлым, как он, Павел Николаевич Пафнутьев.

– Чем дольше я разговариваю с вами, тем больше убеждаюсь в том, что каждый из нас мог пойти на это.

– Но для столь крутого решения нужны причины, нужен повод, важный повод.

– А он есть у каждого. – Света повернула голову к окну, и Пафнутьев увидел, что над кромкой леса небо посветлело и приобрело еле заметный розоватый оттенок. – Вот и утро, – сказала Света. – А мы все про убийство да про убийство.

– Почему же, мы и про Канары поговорили.

Юшкова легко поднялась с низкого дивана, подошла к Пафнутьеву, положила ему ладони на плечи, твердо посмотрела в глаза.

– Вы меня подозреваете? – спросила она.

– Конечно, – быстро, легко и бездумно ответил Пафнутьев.

– Правильно делаете, – усмехнулась Юшкова, она поняла, что Пафнутьев применил тот же прием, которым совсем недавно воспользовалась в их разговоре она сама. – Мы понимаем друг друга, да?

– Надеюсь.

– Понимаем, – кивнула она. – Не пренебрегайте мелочами, здесь все замешано на мелочах. Глупый совет, да?

– Нет, почему же... Совет очень хорош, но... Но я помню об этом, Света.

– Наверное, Костя и сам не сознавал, какое осиное гнездо он устроил в своем доме, какую безжалостную банду собрал под крышей. Наивный, простодушный человек... Впрочем, нет... Скорее безоглядный. Вы не всех еще видели, не со всеми говорили...

– Откуда вы знаете?

– Знаю. Может быть, со всеми вам и не придется говорить, – произнесла Юшкова, и Пафнутьев тут же насторожился. Света уже несколько раз произносила слова, которые не вписывались в разговор, были как бы из другого времени. Пафнутьев уже знал – такие слова не могут быть случайными. Похоже, сейчас он разговаривал с самым предусмотрительным и осторожным, с самым непроницаемым человеком в этом доме. – Как я понимаю, вы здесь надолго?

– Я буду отлучаться и возвращаться.

– Ко мне будете заглядывать?

– Обязательно, Света. В этом не сомневайтесь.

– Заглядывайте. Нам есть о чем поговорить. К тому же...

На вашем плече и поплакаться можно. Не возражаете, если я и в будущем воспользуюсь вашим плечом?

– Нет, – честно ответил Пафнутьев, не без содрогания глядя в ее потрясающие глаза. – Буду только рад.

* * *

Была весна, ранняя еще весна, холодная, стылая, неуверенная. Днем бежали по дорогам тощие ручейки, собирались в лужи. К ночи они подмерзали, затягиваясь тонким ледком, исчерканным узорами из длинных пересекающихся линий. Грязь на строительных площадках тоже подмерзала, пронизанная льдистыми иглами, но стоило лишь ступить на эту, вроде бы надежную, опору, как она тут же расползалась под

ногами и наружу проступала жидкая глина.

Когда взошло холодное еще солнце, его красноватые блики вспыхнули в лужах, придав им вид нарядный, чуть ли не праздничный. Весенний ветер гудел в кронах громадных сосен, оставшихся кое-где на участках, и этот сосновый гул пробуждал в душе жажду весны, тепла, поездок, встреч и всего того, что и составляет жизнь.

Выпросив у Вохмянина безразмерные резиновые сапоги с холодным, вымерзшим нутром, Худолей бесстрашно сунул в них свои тощеватые ноги и отправился бродить по объёчевскому участку. Его курточка грела слабо, вязаная шапочка продувалась на стылом ветру, глаза слезились, но Худолей не дрогнул, не отступил. Он обошел вокруг дома, только сейчас оценив в полной мере его громадность, своеобразие замысла и исполнения. Соседние дома тоже были непростые, каждый со своим кандибобером, но не столь крутые, не столь.

Сапоги проваливались в жидкую глину, скользили в колее, оставленной мощными машинами, кранами, бульдозерами. Но в воздухе стоял весенний дух, Худолей в этом году ощутил его впервые. Он всегда отмечал это в себе – когда впервые почувствует первый порыв весны, когда что-то вздрогнет в нем, и он обрадуется, ощутив ожидание лета. Значит, и в этом году он еще поживет немного.

На бетонной дорожке уже стояли машины «Скорой помощи» и милиции, которые прислал Шаланда. Их водители зябко покуривали в стороне, потрясенные не столько убий-

ством, сколько размерами домов на поляне. А Худолей, ссутулившись в нейлоновой своей куртке и сунув руки поглубже в карманы, продолжал вышагивать по участку, не то пытаясь вспомнить что-то, не то – найти потерянное. Он несколько раз обошел вокруг сложенных бетонных плит, постоял у кучи битого кирпича, зачем-то попинал ногами покрытые молодой ржавчиной трубы, потом отправился в длинную прогулку по краю участка. Но нет, ничто не привлекло его внимания, ничто не заставило радостно вздрогнуть, обрадоваться находке.

И хозяева на участках, и строители еще спали, вся большая поляна, до самой кромки леса затянутая весенней, уже весенней, дымкой, была безлюдна. Лишь изредка можно было заметить на чьем-то балконе или в проеме окна человеческую фигуру – слух о кошмарном убийстве распространился еще ночью.

– Хорошенькое у вас, ребята, начало, – бормотал Худолей, оглядывая зябнувшие на утреннем морозце фигурки. – С убийства началась история вашего поселка, с убийства, ребята... И чувствует мое старое, истерзанное сердце, чувствует, что этим не ограничится... Будет судьба время от времени напоминать о себе, о том, что не все в мире делается по вашей указке, дорогие вы мои банкиры, олигархи, магнаты, титаны толкучек, бензозаправок, разливочных подвалов и...

Худолей остановился в своей обличительной речи, потому что именно в этот момент подошел к небольшому кирпично-

му домику в глубине обячевского участка. Рядом с основным домом его можно было назвать сараем, но он вполне мог сойти за добротный, хотя и скромный дом. Толкнув дверь, Худолей убедился, что она открыта и ничто не мешает ему войти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.